

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

СТЕНА ПЛАЧА

Татьяна Александровна Бочарова

Стена плача

Серия «Детектив сильных
страстей. Романы Т. Бочаровой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70079245

Стена плача:

ISBN 978-5-04-196912-7

Аннотация

Ася счастлива с мужем Сергеем – он врач и старше ее, с ним она чувствует себя как за каменной стеной. На работе тоже все хорошо: Ася преподает детям хореографию, ставит с ними балет «Ромео и Джульетта». Но однажды по дороге на работу она решает срезать путь и проходит через пустырь. Там ей встречается странный прохожий, который с ходу говорит, что умрет без нее. Асе с трудом удается от него избавиться, но почему-то эта встреча не выходит из головы. У нее нет ничего общего с этим человеком, он ей не нужен. Но почему-то Ася думает о нем все чаще и в конце концов решает его разыскать, не подозревая, чем рискует...

В своих романах Татьяна Бочарова синтезирует разные жанры: это и детектив, и мелодрама, и обязательно лирическая история о человеческих чувствах и переживаниях. Ее герои – простые люди, наши с вами современники, которые волею судьбы оказались в сложной ситуации. Им предстоит сделать непростой выбор,

разобраться в дебрях козней и обмана, не сломаться, выстоять, помочь не только себе, но и тем, кому необходима их помощь.

Содержание

1	6
2	8
3	14
4	37
5	67
6	74
7	77
8	84
9	87
10	108
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Татьяна Александровна Бочарова Стена плача

© Бочарова Т., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Стена Плача одна во всем мире. Множество паломников едут в Иерусалим, на Землю обетованную, дабы оставить в щелях камней свои записки. В них – самые сокровенные просьбы, обращенные к Богу. Люди верят, что их чаяния услышатся, а желания непременно сбудутся.

Но есть и другие стены плача. У нас в России их сотни, а может, и тысячи. Краской, углем, мазутом и мелом выведены на них крики души человеческой, слова любви и ненависти, плач по загубленной жизни.

Так мы, не привыкшие к помощи психотерапевтов, пишем о своей боли и тоске на бетонных стенах – стенах плача.

1

В том году удивительно рано расцвела сирень.

Только-только отошли майские праздники, а бульвары и парки запылали ярко-фиолетовым, лилово-розовым. Утром шел быстрый, веселый дождик, и к полудню в воздухе витал свежий, тонкий и сладкий аромат едва распусившихся цветов.

Ася со Степкой гуляли по близлежащему скверу. Степка катил на велосипеде далеко впереди, громко сигналив в клаксон, а Ася то и дело останавливалась, подходила к кустам сирени, ладонями разводила в стороны тяжелые гроздья в хрустальных каплях дождя.

Она искала четырехлистники, «сиреневое счастье», а найдя, поспешно оглядывалась и украдкой, чтобы никто не заметил, снимала цветок губами. Ася ела четырехлистники! Совсем как в детстве, наивной и курносой пионеркой в летнем лагере, когда у них с подружками было негласное соревнование, кто больше отыщет «счастья».

Ела и стыдилась: вдруг кто-нибудь увидит ее за этим странным занятием.

«Счастья» попадалось на редкость много, и Ася совершенно по-детски же радовалась этому, кричала Степке, чтобы он не уезжал далеко, жадно теребила мокрые, пахучие сиреневые кисти.

Она и сама не знала, к чему ей столько четырехлистников. Если бы ее спросили, много ли у нее заветных желаний и вообще, счастлива ли она, Ася, не задумываясь, ответила бы, что да, счастлива. А желание у нее лишь одно: чтобы Сергей и Степка были здоровы.

Она считала себя везучей и удачливой, а свою жизнь устроенной и благополучной, такой, о которой можно лишь мечтать.

Тогда, гуляя с сыном по аккуратным, посыпанным мелким гравием дорожкам, Ася не знала и не могла знать, что спустя всего несколько месяцев ее судьбе суждено круто измениться. Его величество случай одним мановением откроет перед ней целый мир незнакомых, неведомых ранее чувств и страстей. Жестоких чувств, огненных страстей, нисколько не похожих на те, что Ася испытывала до сих пор.

Если бы только она могла это знать!

Но она не знала и беззаботно смеялась, поедая полные сладкого сока цветы. Махала рукой Степке, оттирала со лба и щек капли сиреневой росы, и проходящие мимо мужчины смотрели на нее с интересом и безнадежностью, как на вкусный, но запретный плод.

2

Лето получилось сумбурным, веселым, полным переездов и ярких впечатлений. В июне Асин хореографический ансамбль ездил на гастроли в Польшу, на июль Сергей взял отпуск и свозил жену и сына к морю, а весь август пришлось мотаться на дачу, разрываясь между поспевающими в теплицах помидорами и навалившейся после отдыха работой.

В суете и многочисленных делах Ася не заметила, как наступил сентябрь. Солнце скинуло летний жар и стало ласковым, стройная рябинка под окнами согнулась под тяжестью ярко-алых гроздьев, зазолотилась листва сквера. Пора было закрывать дачный сезон, забирать в город Степку и смотревшую за ним Нинюсю. Сделать это решили в ближайшие выходные.

Накануне, в пятницу вечером, Асе позвонила Кристина. Голос ее дрожал от возбуждения.

– Аська, пляши! На Амстердам спонсоры нашлись!

– Шутишь! – она едва не выронила трубку.

– Не шучу. Мне только что шеф звонил. В понедельник нужно встречу организовать: сначала выступление минут на тридцать, все лучшие номера, потом фуршет. Будут солидные дяди и тети из какого-то суперкрутого фонда. Если мы им понравимся, оплачивают дорогу туда и обратно подчистую... Эй! Ты заснула?

– Нет, я все слышу, – рассеянно проговорила Ася. В уме она уже прикидывала, какие танцы лучше продемонстрировать уважаемым гостям. Ее девчонки отлично исполняют все, но, пожалуй, классика в этом случае более предпочтительна: эстрадой сейчас никого не удивишь.

– Вот и подумай, какие номера выставишь на показ. Жаль, девочек нельзя в выходные собрать и порепетировать.

– Почему нельзя? – удивилась Ася. – Как же без репетиции?

– Помещение занято. Шеф распорядился срочный косметический ремонт сделать, подкрасить, подмазать все, что нужно. Так что придется без репетиций, на старой закваске.

– Плохо, – расстроилась Ася. – Мы еще форму с лета как следует не набрали, а тут такие испытания.

– Аська, ладно, мне пора, – заторопилась Кристина. – Я еще через час с родительским комитетом встречаюсь на предмет закупки продовольствия, всякой там выпивки-закуски. Давай, соображай, что будем этим господам хорошим говорить – они просили руководителей приготовить небольшой рассказ о коллективе.

– Я?!

– Ты! Ты у нас умная, и язык хорошо подвешен. А я лучше по хозяйственной части. Пока! – Кристина повесила трубку.

Ася вприпрыжку бросилась в гостиную.

– Сережа! Сереженька!

Сергей сидел в кресле перед телевизором. Увидев радост-

ное лицо жены, он оторвался от экрана, улыбнулся.

– Что случилось, Зайка?

– Представляешь, нашлись деньги для поездки в Голландию!

– Да ну! Что ты говоришь! – Сергей шутливо раскрыл глаза. – Сядь-ка, а то ненароком взлетишь от счастья. Иди сюда, – он поманил ее к себе.

Ася, пританцовывая, приблизилась к мужу, уселась к нему на колени. Его руки ласково обхватили ее за талию.

– Ну, рассказывай, как это вам так повезло, – жарко шепнул Сергей ей на ухо, крепче прижимая к себе.

– Крестя звонила. Сказала, что нами заинтересовался какой-то фонд... Серж! Пусти! Ты не слушаешь!

– Я слушаю, – пробормотал тот, зарываясь лицом в ее темные длинные волосы. – Фонд... Что дальше?

– Дальше мы должны выступить перед их представителями и... нет, это свинство! Ты не слушаешь, тебе до лампочки!

– Мне не до лампочки, – засмеялся Сергей, поворачивая Асю к себе лицом и аккуратно освобождая от петли верхнюю пуговицу ее тонкого халатика. – Просто я тебя люблю, глупышка. Разве это плохо?

– Хорошо, – едва слышно прошептала Ася, чувствуя, как горячий, сладкий жар, идущий от рук Сергея, стремительно наполняет ее тело, делая его безвольным и послушным.

– Вот и славно. – Он накрыл ее губы своими долгим, на-

стойчивым поцелуем. – А про фонд потом дорасскажешь...

...Потом, однако, рассказывать ничего больше не хотелось. Они с Сергеем ужинали в спальне при свечах, за маленьким сервировочным столиком, а позже снова любили друг друга, и Ася таяла от блаженства, раскинувшись на тугих крахмальных простынях, сомкнув ресницы и закусив губы.

В пять утра на пейджер Сергею пришло сообщение из больницы – у его послеоперационного больного, уже шедшего на поправку, ночью внезапно поднялась температура.

– А как же дача, Степка? – печально проговорила Ася, глядя на поспешно собирающегося мужа.

– Увы, Зайка, им с Нинюсей придется покормить комаров еще один день, ничего не поделаешь. – Сергей точным и ловким движением затынул под горлом сорочки блестящий галстук, нагнулся к постели, поцеловал Асю в щеку и вышел из комнаты.

Вернулся он лишь через сутки, бледный, с кругами под глазами от бессонной ночи, едва стоящий на ногах. Улыбнулся резиновой улыбкой, развел руками.

– Так вот, Зайка. Ничего не вышло. На все воля божья.

– Он... умер? – отчего-то шепотом спросила Ася.

Сергей молча кивнул. Затем, не переобуваясь, прошел в кухню, достал с полки начатую бутылку коньяка, быстро налил себе стопку, выпил залпом, не закусывая.

Ася подошла, погладила мужа по плечу, прижалась голо-

вой к его груди.

– Постарайся забыть. Иди, прими душ и ляг. Я принесу тебе еду в кровать.

Сергей благодарно потерся щекой о ее щеку.

– Действительно, спать зверски хочется. Пойду прилягу, а душ потом.

Когда через пятнадцать минут Ася зашла в спальню, неся в руках поднос с тарелками и горячим кофе, Сергей уже спал. Она поставила еду на тумбочку, присела на край кровати, поправила сползшее на пол одеяло. Посидела немножко, стараясь не двигаться, потом вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

На дачу они поехали поздно вечером. Степка и Нинюся уже собирались ложиться. Ася спешным порядком запихнула их в машину, раскидала по сумкам вещи, и они понеслись обратно, в Москву.

Всю дорогу Степка ныл, что впопыхах оставил на даче прирученную им лягушку, Нинюся громко ворчала что-то о безответственных родителях, которым «днем дите не нужно, а ночью они врываются, как бандюки!». Ася слушала обоих вполуха и беспокоилась, как бы не выспавшийся толком Сергей не уснул за рулем.

Когда автомобиль подъехал к дому, шел второй час ночи. Степка, умолкнув, посапывал, привалившись щекой к теплему Нинюсиному боку. Ася взяла его на руки, осторожно, стараясь не разбудить, занесла в квартиру. Следом грузно то-

пала Нинюся, неся на богатырских плечах увесистые сумки.

Так и не проснувшегося Степку уложили в детской, Сергей тоже моментально свалился, а Асе пришлось выдержать схватку с Нинюсей, намеревавшейся тотчас же разбирать привезенный с дачи багаж.

Одержав победу в этом нелегком деле и отправив старуху спать, Ася наспех приняла душ и улеглась, но сон не шел. В голову лезли всякие мысли.

Как пройдет завтрашняя встреча? Что она будет говорить спонсорам? Смогут ли девочки достойно станцевать без репетиции? И еще завтра с утра, до ухода на работу, надо успеть вымыть Степку, разобрать многочисленные сумки и мешки, что-то кинуть в стирку, что-то разложить по шкафам. Иначе безумная Нинюся, больше всего на свете любящая порядок и чистоту в доме, примется делать все это сама, а у нее больное сердце. Прихватит, потом хлопот не оберешься.

3

Она поставила будильник на семь часов, но вскочила, едва стало светать. Рядом, уткнувшись лицом в подушку, крепко спал Сергей, время от времени что-то тихо бормоча сквозь дрему.

Глаза чесались от недосыпа, но Ася знала наверняка, что заснуть больше не удастся. Какой смысл лежать под одеялом и ворочаться с боку на бок?

Стараясь не издавать шума, она выскользнула из постели и крадучись покинула спальню.

В широкой, просторной ванной, с полу до потолка облицованной блестящей разноцветной плиткой, Ася скинула халатик и долго смотрела на себя в зеркало, сведя к переносице изящные, тонкие бровки.

Пора садиться на диету! Однозначно пора: за два последних месяца она ни разу не встала к станку, а на курорте совсем расслабилась, позволяя Сережке закармливать себя пирожными и умопомрачительными десертами.

Вот и результат – безупречно тонкая талия едва заметно поплыла. И бедра никуда не годятся! Все! С сегодняшнего дня по два часа упражнений и никакого мучного и сладкого, даже кусочка черного хлеба! К Амстердаму вся труппа должна быть в идеальной форме, в том числе и руководитель.

Ася еще немного постояла перед зеркалом, поворачива-

ьясь то одним, то другим боком, вздохнула и повернула края на полную мощность. Свежая, пахнущая озоном водяная струя с шумом разбилась о молочно-белое дно ванны.

Ася зачерпнула полную ладонь ароматной пены и, закрыв глаза, шагнула под душ.

Когда через двадцать минут она, полностью проснувшаяся, свежая, с каплями воды на ресницах и закрученными в пучок мокрыми блестящими волосами, появилась в спальне, Сергей уже встал и убирал постель. При виде улыбающейся, обернутой в пестрое полотенце жены он прервался и развел руками.

– Афродита ты моя! – Несмотря на насмешливый тон, в голосе его слышалось восхищение. – Чего вскочила ни свет ни заря?

– Дела, Сереженька, – серьезно проговорила Ася, принимаясь одеваться. – Ты-то сам как? Выспался?

– Так себе. – Сергей покрыл кровать шелковым покрывалом с длинной бахромой. – Степка дрыхнет, конечно? А то я его вчера и разглядеть толком не успел, как в тумане был.

– Спит, – улыбнулась Ася, проводя щеткой по волосам. Она скользила легко и гладко, на Сергея летели брызги.

– Аська, я знаю, кто ты! Сирена. – Он смотрел на нее в упор, чуть наклонив голову, засунув руки в карманы спортивных брюк.

– Кто? – переспросила она, озабоченно разглядывая кончики волос.

– Сирена. Это из мифологии. Были такие девушки, красивые, длинноволосые, но с птичьими телами. Сидели на скале посреди моря и пели. Заманивали проплывающие мимо корабли. От их песен моряки кидались с борта прямо в воду. Стыдно не знать!

– Да знаю я, – засмеялась Ася, – просто мозги заняты другим, прости. – Она внимательней глянула на мужа, отложила щетку и повторила: – Прости. Я сейчас сделаю завтрак.

– Да сиди, – Сергей махнул рукой, – я сам.

– Брось, – попыталась воспротивиться Ася, – что значит сам? А жена на что?

– Сиди, – твердо повторил Сергей, – приводи себя в порядок. Тебе сегодня нужно классно выглядеть.

Он легонько коснулся ее голого плеча и вышел из спальни.

Минут через сорок хлопнула входная дверь. К этому времени Ася успела высушить волосы феном и уже распаковывала самую большую дачную сумку.

Только Сергей ушел, проснулся Степка и тут же разбудил Нинюсю. Квартира сразу наполнилась разнообразными звуками: звонким топаньем босых ног, веселым визгом и Нинюсиным ворчанием.

Вскоре с кухни сладко запахло пшенной кашей и убежавшим молоком. В комнату, где трудилась Ася, доносилась отдаленная перебранка старухи и мальчика.

– А я говорю, съешь до последней ложки! Съешь, и все тут! – угрожающе рокотала Нинюся.

– Не бу-уду, – баском тянул Степка.

– А не будешь, станешь карликом. Во-от таким малюсеньким!

– Как тот, которого мы в цирке видели? – В голосе мальчика послышались оживление и интерес.

– Точь-в-точь таким, – поддакнула Нюнюся.

Ася улыбнулась и достала из сумки сложенное вдвое пляжное полотенце.

Спор на кухне затих. Очевидно, аргументы убедили Степку, и он принялся-таки за ненавистную кашу.

Ася подхватила с пола огромную стопку грязного белья и понесла в ванную. Мерно загудела нагруженная до предела стиральная машина.

– Мам! – в приоткрытую дверь просунулась загорелая мордашка, перемазанная кашей. – Можно я гулять на велике?

– Можно, иди. – Ася прижала сына к себе, погладила теплую вихрастую макушку. – Только умойся сначала.

– Вот именно! – подхватила подоспевшая Нинюся. – Сладу нет с этим фулюганом!

Она цепко схватила упирающегося Степку за плечо и сунула его под кран.

– Ай! – заверещал тот. – Холодная! Пусти!

– Чисто фулюган, – довольно повторила Нинюся, стаскивая с крючка мохнатое полотенце. – Настасья, мы с ним на сквер пойдем, там места поболее. Будет мальцу где развер-

нуться.

– Ладно, – согласилась Ася и глянула на часы. До выхода на работу оставалось немногим более двух часов. За это время она планировала разгрести еще пару узлов и сварить обед.

Степка и Нинюся ушли.

Еще час Ася честно занималась разборкой вещей, наслаждаясь наступившей в доме тишиной, затем сунулась на кухню. Там оказалась прорва грязной посуды – Нюнюся, кажется, имела особый талант при приготовлении любого, даже самого легкого блюда использовать все имеющиеся в наличии тарелки, чашки и ложки.

Ася привычно повозмущалась, но ее сетования услышал лишь волнистый попугай Кеша, резво скакавший с жердочки на жердочку в своей клетке.

Делать было нечего. Она включила воду, взяла в руки губку, и в это самое время раздался оглушительный трезвон в дверь. Звонили так, будто на лестничной площадке, да и во всем доме бушевал пожар.

Ася со всех ног кинулась открывать, на бегу вытирая о фартук мокрые руки. Она щелкнула замком, распахнула дверь, и тут же на грудь ей упал рыдающий Степка. Нос его распух и кровил так, что и халат, и фартук сразу стали ярко-алыми.

Позади маячило белое, похожее на недоспелый блин лицо Нинюси.

– Господи! Что случилось? – дрожащим голосом проговорила Ася и тщетно попыталась оторвать от себя Степку, но тот вцепился в ее халат сильнее прежнего.

– Уби-ился! – в голос завывала Нинюся, протискивая грузное тело в прихожую.

– Как убился? Где?

– С лисапеда! Личиком прямо оземь! Ой, деточка-а! – Нинюся принялась мерно раскачиваться из стороны в сторону, подвывая в тон Степкиному реву.

Несколько секунд Ася беспомощно смотрела на них обоих, затем решительно рванула сына за плечи.

– А ну-ка тихо! Тихо, я сказала! Замолчите, оба!

Окрик возымел действие. Степка вздрогнул и затих, а с ним и старуха.

– Так-то лучше. – Ася внимательно оглядела залитое слезами и кровью лицо сына. Видимых ран не было, однако кровь не останавливалась, все текла и текла из носа.

– Нинюся, мигом, намочи полотенце в холодной воде!

– Ага. – Старуха тяжело протопала в ванную и вернулась, выполнив Асино приказание.

Полотенце приложили к носу, а самого Степку усадили на широкую банкету возле вешалки. Он больше не плакал, лишь плечи дергались в такт судорожным всхлипываниям. Ася осторожно присела рядом.

– Мамочка!

– Что, милый?

– А я н-не...н-не умру?

– Да что ты! – Ася погладила его по мокрой щеке. – Бог с тобой. Сейчас кровь остановится, и все пройдет.

– Точно? – беспокойно спросил Степка.

– Точно.

Он облегченно выдохнул и прикрыл глаза.

– Надо бы съездить в травмпункт, – вполголоса проговорила Ася. – Вдруг сотрясение мозга?

– Ой! – снова взвыла Нинюся.

Кровотечение тем временем почти прошло. Степка полулежал на банкетке, голова его удобно устроилась у Аси на коленях.

– Где-нибудь болит? – Она тихонько потормошила сына.

– Не-а. Я пить хочу.

– Сейчас принесу. – Она потихоньку поднялась, сбегала на кухню, налила в стакан соку.

Затем, слегка поколебавшись, достала с полки другой стакан, накапала туда тридцать капель валокордина, составила оба стакана на поднос и принесла в прихожую.

– Держите. – Ася протянула валокордин Нинюсе, а Степку напоила соком из своих рук. Тот выпил с жадностью, захлебываясь и шмыгая носом.

– Мам!

– Что, детка?

– А можно опять кататься?

Совсем уже было успокоившаяся Нинюся едва не выро-

нила стакан.

– Ну что ты, Степочка. – Ася бережно отерла с его мордашки остатки крови и сок. – Какое уж тут катание! Тебе сейчас полежать надо. Ужасно, что нету времени показать тебя доктору. Ну да ладно, вечером папа вернется, посмотрит, все ли в порядке. Давай, я отведу тебя в кроватку.

Степка скривил физиономию, собираясь вновь зареветь, однако раненый нос, очевидно, причинял ему боль. Так или иначе, но плакать он передумал, послушно встал с банкетки и поплелся за Асей.

В светлой детской с яркими, солнечно-желтыми обоями Ася стянула с сына запачканную кровью рубашку, надела на него пижаму и уложила в постель.

– Мультки хочу, – капризно потребовал Степка.

Ася молча щелкнула пультом. На экране запрыгал Аладдин.

Она искоса взглянула на большие настенные часы. Почти двенадцать. Ни о каком обеде не может быть и речи. Нужно срочно отмываться и лететь в ДК. В четверть второго уже приходят спонсоры, а до этого необходимо размять девчонок, посмотреть, в каком состоянии зал, проверить фонограммы.

Ася вышла из детской и едва не налетела на Нинюсю. Та с потерянным видом стояла возле самого порога, не решаясь зайти. Мертвенная бледность так и не сошла с ее одутловатого лица, полные, сплошь в фиолетовых прожилках руки

заметно тряслись.

– Тебе плохо? – вновь заволновалась Ася. – Может, нужно укол?

Нинюся молча помотала головой, беззвучно разевая рот, точно выброшенная из воды рыба.

– Ну, успокойся. – Она обняла старуху за плечи. – Все обошлось. Ты ни в чем не виновата. Сядь, посиди, а лучше приляг. Я сейчас Сереже позвоню, чтобы пораньше освободился.

– Не надо... Сереже... – сквозь одышку проговорила Нинюся. – Сама я... недоглядела за дитем, теперь сама...

Ася вдруг подумала, что, глядя на Нинюсины страдания, никак нельзя предположить, что она – никто Степке. Две его родные бабушки находятся в добром здравии, одна проживает в Петербурге, другая под Саратовом. Обе исправно приезжают в гости два раза в год, привозя с собой многочисленные гостинцы, но, кажется, никто из них не любит мальчика столь преданно и самозабвенно, как эта полуграмотная старуха-соседка с тремя классами образования.

Шесть с половиной лет назад, когда Степка еще только должен был появиться на свет, у Нинюси умер единственный сын. Перед тем, как оставить мать одну-одинешеньку, он сильно пил, вынес из дому всю утварь и неоднократно поколачивал старуху.

Та все терпела, на предложение соседней вызвать милицию упорно качала головой. Однако, похоронив сына, сломалась.

В один прекрасный день Сергей привел Нинюсю с улицы к ним домой – бабка еле шла, с трудом передвигая распухшие точно тумбы ноги.

– Вот, сидела на лавочке и плакала, – объяснил он, доставая тонометр.

Давление было астрономическим. Сергей посадил ее в машину и отвез к себе в больницу.

Нинюся оказалась хворой со всех сторон. Отказывалось работать изношенное сердце, после побоев барахлила правая почка, суставы на пальцах были изглоданы ревмокардитом. Невероятно, как столько лет она ходила, ни на что не жалуюсь, таскала тяжеленные сумки с продуктами, содержала в чистоте квартиру, обстирывала и обглаживала своего непутевого Петюню.

Сергей добился, чтобы за Нинюсей ухаживали по первому разряду. Ей назначили интенсивное лечение, подкололи витаминами и стимуляторами, обошлись с ней ласково, по-человечески. И старуха ожила.

Она вышла из больницы в тот день, когда Ася родила Степку. Встретила у подъезда ошалевшего от счастья Сергея. Привычно принялась – тот уже успел изрядно принять, отмечая с коллегами радостное событие.

– Гуляем, Нин Владимирна! – Сергей обнял старуху и расцеловал в обе щеки, – Асюня мальчика произвела. Сегодня, в шесть утра!

В ответ Нинюся тихо заплакала. По одрябшему лицу стру-

ились слезы, она вытирала их огромной ладонью, а они текли вновь и вновь, собираясь в ложбинках от морщин.

Сергей растерянно замолчал, скосил глаза на носки своих до блеска начищенных ботинок. Потом неловко погладил старуху по жидким пегим волосам, скрученным на затылке в крошечный пучок.

– Ну что ты, ей-богу... ну не надо. Давай, знаешь что? Давай, мы тебя к себе возьмем, будешь малыша нянчить. Хочешь?

В этот момент Сергей не полностью осознавал, что говорит – ему просто хотелось, чтобы все вокруг были так же счастливы, как он сам, хотелось утешить несчастную, больную, обездоленную женщину. Однако в следующее мгновение он понял, что взять обратно свои слова не удастся.

Маленькие, глубоко утонувшие в складках век глазки старухи вдруг широко раскрылись, тонкие губы искривились в судорожной гримасе. Она схватила Сергея за рубашку узловатыми, корявыми пальцами.

– Миленький, хороший мой! А ты не врешь? Ты верно возьмешь меня к себе? Правда? Ну глянь мне в глаза! Глянь!

Отступать было некуда. Сергей поднял голову, набрал в легкие побольше воздуха и кивнул.

– Золотой ты мой, – заголосила Нинюся. – Я отработаю, как бог свят, клянусь! Петенькой покойным клянусь! Только уприси Асеньку, чтобы не прогоняла меня, а я уж буду смотреть за маленьким, пуще глаз смотреть буду!

Так все и произошло. Когда Ася с пятидневным Степкой переступила порог своей квартиры, навстречу ей вышла Нинюся. Она была неузнаваема: лицо ее дышало умиротворенностью и покоем, могучий стан обхватывал свежий полотняный фартук – ни дать ни взять кормилица в барском доме.

Старуха дождалась, пока Ася приблизится к ней, уверенным жестом взяла сверток из ее неумелых рук, снесла на столик, развернула. Степка тут же залился отчаянным ревом.

– А вот ладушки-ладушки! – басом пропела Нинюся, ловко вытягивая из-под его красной, сморщенной попки мокрые пеленки. – Где были? У бабушки! А что ели? Кашку! А что пили? Бражку!

Плач точно по волшебству прекратился.

Сергей тихонько обнял изумленную Асю за плечи. Она посмотрела на него и улыбнулась. Свой первый экзамен Нинюся выдержала достойно.

Она действительно относилась к Степке как к маленькому барчуку, обожая его до самозабвения и балуя до безобразия. Возможно, это обуславливалось генетически: наверняка предки Нинюси были крепостными и преданно служили своему хозяину, нянча его детей. А может быть, она просто использовала свой шанс выжить, быть кому-то нужной, полезной.

Так или иначе, подраставший Степка отлично чувствовал, что из Нинюси можно запросто вить веревки, ничуть не обманываясь ее бесконечным ворчанием и угрозами «отшле-

пать по тому месту, откель ноги растут».

Тем не менее и Сергей, и Ася доверяли Нинюсе стопроцентно, как самим себе, а в чем-то и больше. За прошедшие годы она стала полноправным членом их семьи.

...Ася еще раз внимательно взглянула на старуху.

– Ой, не нравишься ты мне. Придется все-таки выпить лекарство.

Не дожидаясь ответа, она прошла на кухню. Достала из аптечки аккуратную коробочку, освободила от оболочки две продолговатые розовые пилюли, ссыпала их в ладонь.

Надо заставить Нинюсю принять таблетки. Сама она ни за что не станет – препарат жутко дорогой, Сергей достал его по знакомству, и упрямая старуха считает, что его непременно надо экономить.

Ася вернулась в детскую. Нинюся сидела возле Степкиной кровати и, склонившись к самому его уху, бормотала что-то тихое и ласковое.

– На, пей, – приказала Ася. – Пей, или я звоню Сергею. Смотри, он приедет с работы, специально, чтобы с тобой разобраться!

Старуха, вздыхая и кряхтя, проглотила таблетки одну за другой.

Ася посидела в детской еще минут десять, дожидаясь, пока Нинюсино лицо утратит пугающий землистый оттенок, затем начала собираться.

Затренькал телефон.

– Да! – она на бегу подхватила трубку.

– Ты еще дома? – возмутилась Кристина.

– Я еще дома, – подтвердила Ася, дергая молнию на косметичке.

– Безобразие! Ты уже двадцать минут как должна была выйти!

– Зачем же тогда ты звонишь? – резонно заметила Ася.

– Знаю я тебя! Обязательно опоздаешь, если тебя не подстегнуть.

– Подстегивают лошадей, – сухо проговорила Ася, принимаясь за правый глаз.

– Ась, ты не понимаешь! – плачущим голосом сказала Кристина. – Ровно в час все должно быть в готовности номер один.

– Будет, если ты повесишь трубку и дашь мне спокойно накраситься. Ты же не хочешь, чтобы я прискакала на встречу без макияжа, страшная, как баба-яга?

Трубка хмыкнула.

– Положим, до бабы-яги тебе далеко. Дай слово, что выйдешь через пять минут.

– Через десять. – Ася перешла к левому глазу.

– Ладно, – капитулировала Кристина. – Но ровно через десять. Чао.

Ася молча кинула трубку на рычаг. Спокойный тон, которым она только что разговаривала с подругой, на самом деле был чистейшей воды блефом. Внутри у Аси все кипело.

Это надо же, ухитриться опоздать на такое мероприятие! Кристина абсолютно права – она должна была выйти хотя бы минут за пятьдесят до назначенного срока, а сейчас у нее осталось максимум полчаса. Ежику понятно – этого времени не хватит, чтобы доехать до ДК.

Ася ожесточенно мазнула помадой по губам и помчалась в прихожую. Сунула ноги в туфли, накинула на плечи легкий кожаный пиджачок и вылетела за дверь.

Ее терзало мучительное чувство вины. За все: за то, что легкомысленно отпустила Степку кататься на велосипеде, который ему еще явно велик, за то, что не удосужилась показать его врачу после травмы, за Нинюсино серое лицо и одышку, а главное, за то, что теперь своим опозданием она подводит целый коллектив.

Все так же бегом Ася достигла шоссе и принялась ловить частника – на общественный транспорт рассчитывать не приходилось.

Однако и тут ей не повезло. Строго в соответствии с законом подлости машины, которые в другое время охотно тормозили, стоило поднять руку, сейчас проезжали мимо, не сбавляя скорости.

Наконец возле нее остановилась старая бежевая «Волга».
– Куда? – угрюмо поинтересовался немолодой водитель, такой же помятый, как и его автомобиль.

Услышав ответ, он решительно замотал головой.

– Издеваетесь? Там сейчас самые пробки, обеденное вре-

мя.

«Волга» газанула и умчалась. Отчаявшаяся Ася снова было подняла руку и тут увидела подъезжающую маршрутку.

Это был хоть частичный, но выход из положения. Шоферы маршрутных такси умели виртуозно избегать пробок, беспардонно подрезая остальной транспорт и пользуясь для проезда тротуаром.

Ася запрыгнула в салон, на ходу продумывая, с чего она начнет разминку с девчонками, если на нее все же останется время.

Маршрутка плелась, как улитка, подтверждая все тот же всемогущий закон подлости. Очевидно, за рулем сидел новичок, неукоснительно соблюдавший правила дорожного движения. В какой-то момент Асей овладело искушение вылезти и снова попытаться голоснуть тачку, однако она поборола это желание. Ей уже стало совершенно ясно, что сегодняшний день из разряда неудачных, поэтому нет смысла дергаться, будет только хуже.

В сумке настырно запел мобильник.

Наверняка Кристина с ума сходит. Ася нажала на отбой и вышла на своей остановке.

Полпути было проделано, оставалась вторая половина.

И угораздило же ее работать в такой дыре! С одной стороны кольцевая автодорога, с другой – вокзал. Кругом грязь, пустошь, колдобины. «Криминальная территория», как любят говорить их вахтерша, тетя Катя.

Подземный переход находился метрах в пятидесяти от остановки. От него к ДК вела хорошая ровная бетонка, по которой можно было идти, не рискуя вывихнуть ногу. Вот только эта роскошь занимала минут пятнадцать, если не все двадцать.

Конечно, существовал и более прямой путь: перебежать шоссе в неполюженном месте, пересечь огромный, заросший бурьяном и чертополохом пустырь, а дальше идти вдоль длинной глухой бетонной стены, огораживающей железнодорожные пути и территорию вокзального рынка. Так выходило почти вдвое короче, зато опасней.

Пустырь был излюбленным местом окрестных собачников, по нему днем и ночью носились огромные псины, часто без ошейников и намордников, а у стены вечно торчали многочисленные вокзальные бомжи и проститутки. Узенькую тропинку, проложенную в высокой, в человеческий рост траве, усеивали битые бутылки, окурки, засаленные обрывки газет и прочий мусор.

Ася через пустырь ходила редко, а с прошлой осени, когда из кустов на нее набросился огромный черный как ночь ротвейлер, и вовсе перестала, предпочитая потратить лишних десять минут, но остаться невредимой.

Однако сейчас решила рискнуть.

Дождавшись паузы в бесконечном потоке машин и миновав трассу, она зашагала настолько быстро, насколько позволяла неровная, вся в рытвинах и камнях, дорожка.

Сладко пах бурый репейник, икры через тонкие колготки покалывала лебеда. Над разноцветными зонтиками тысячелистника кружились по-осеннему вялые мухи.

Вскоре тропинка уткнулась в стену и поползла вдоль нее, то прижимаясь вплотную, то уходя вбок.

Стена была высокая, метра два, сплошь покрытая надписями масляной краской, мелом и углем, отражавшими сложную и разнообразную гамму человеческих чувств. Здесь были признания в любви и ненависти, типа «Люблю Коляна!» и «Все девки – шалавы!», откровенные жалобы на то, что «Нет в жизни счастья», а порой и просто крик души: «Люди, помогите избавиться от импотенции!»

Какой-то местный шутник цинично нарек ее «стеной плача», и с его легкой руки так и повелось – иначе это гиблое место никто не называл.

Ася поспешно глянула на часы: до начала встречи оставалось немногим более двадцати минут. Если прибавить шаг, то, пожалуй, можно будет успеть провести разминку. Она почти побежала, стараясь не наступать на валяющиеся под ногами осколки.

Стена круто взяла влево, Ася обогнула ее и остановилась как вкопанная.

В трех шагах от нее на тропинке стоял человек. Правая щека и лоб у него были окровавлены. Он слегка пошатывался и сосредоточенно разглядывал вымазанные кровью ладони.

Ася судорожно оглянулась, но вокруг, как назло, не было ни души. Очевидно, время для собачников еще не наступило.

Мужчина поднял глаза и сделал нетвердый шаг вперед. Он был среднего роста, коренастый, одетый в старые, потерявшие цвет джинсы и промасленную защитную робу. Очень светлые, выгоревшие на солнце волосы спадали на лоб и тоже были перепачканы в крови. В воздухе явственно чувствовался крепкий запах перегара.

«Вот это влипла!» – пронеслось у Аси в голове. Внутренне она подобралась, готовая в любой момент прыгнуть с тропинки в густую колючую траву и дать деру.

– Ну чего ты? – неожиданно произнес белобрысый. – Чего остановилась? Иди, куда шла.

Голос у него был хрипловатый, но довольно приятный, и речь вполне связная.

Вместо ответа Ася попятилась.

– Я такой страшный? – Белобрысый сделал не очень успешную попытку улыбнуться. – Ты что от меня, точно от прокаженного? – Он помолчал немного, внимательно рассматривая Асю, потом коснулся щеки и кивнул. – Понятно. Морда разбитая, да и прикид не фонтан. Такие тебя не интересуют. Я правильно ухватил?

Ася неопределенно пожала плечами. Белобрысый расценил ее молчание как знак согласия, перестал улыбаться, глаза его под ровными, густыми соломенными бровями сузи-

лись.

– Зря ты так, девушка. Напрасно, – в голосе у него послышалась угроза. – Думаешь, я таким всегда был?

– Ничего я не думаю, – наконец выдавила Ася. – Разрешите мне пройти.

– Нет, погоди. – Белобрысый с шумом выдохнул воздух. – Погоди! Думаешь, я кто? Сторож на рынке? Холуй сраный, которому хозяин может дать в зубы, когда захочет?! – Его лицо изменялось на глазах, превращаясь в маску ярости и злости, белки налились кровью, пальцы сжались в кулаки. Он приблизился к Асе почти вплотную, так, что ей отчетливо стали видны две глубокие раны на его щеке и лбу. – Да ты... знаешь, кто перед тобой?!

«Сумасшедший», – подумала Ася и зажмурилась, собираясь бежать.

– Я Алексей Епихин, капитан ВДВ, между прочим, правительственные награды имею...

Она осторожно открыла глаза.

– Что смотришь? Думаешь, я тебе гоню? Да я весь Афган прошел, весь, понимаешь ты... А! – он ожесточенно махнул рукой. – У меня эти Магометы вон где сидели, вот тут, – прямо перед ее лицом оказался крепко сжатый кулак. – А теперь они надо мной хозяева!

Ася смутно поняла, что белобрысый имеет в виду азербайджанцев, которым принадлежал вокзальный рынок, и он на пьяную голову отождествил их с афганцами.

– Они говорят, что я... я у них украл! Что мне, боевому офицеру, нужно их вшивое барахло!! – Белобрысый смачно плюнул в сторону дыры в стене. – Гады! Их четверо, я один. Ну ничего! Все равно им досталось. Будут помнить наш десант.

Он вдруг остановился и замолчал, точно внутри у него села батарейка. Кулаки разжались, руки безвольно опустились.

– Слушай, девушка, ты вот что... возьми меня с собой. Не пожалеешь, а? – Белобрысый больше не кричал, а говорил совсем тихо, и в голосе его звучала беспредельная усталость. – Что молчишь? Не хочешь? – Он невесело усмехнулся: – Правильно. Мамка, поди, заругает за такого кавалера... Ты школу-то хоть закончила?

– Я школу давно закончила, – тихо произнесла Ася. – А еще у меня есть муж и сын.

Она сама не знала, зачем сказала это. Просто вырвалось, и все.

Брови белобрысого сдвинулись над переносицей смешным домиком.

– Вот как. – Он понимающе покачал головой. – Ну что ж. У матросов, как говорится, нет вопросов. Счастливый человек твой муж, я ему завидую по-хорошему. Знаешь почему?

Ася опустила ресницы.

– Знаешь, не приbedняйся. Во-первых, ты – красавица. А во-вторых... во-вторых, не стерва. Была бы стерва, не стояла бы тут со мной, а давно слиняла бы. Ухватываешь?

Ася кивнула. Взгляд упал на циферблат часов. Ужас! Без двух минут час!

Белобрысый заметил, куда она смотрит.

– Ладно, ты иди. – Он отступил с тропинки в бурьян. – Иди, раз нужно. Тебя малец ждет. Не бойся, не трону.

Ася боком, стараясь не глядеть на белобрысого, двинулась вперед. Она прошла совсем близко от него. В лицо ударил терпкий запах: смесь перегара, запекшейся крови, дешевого табака и еще чего-то непонятного, кажется, керосина или масляной краски.

С каждым ее шагом запах становился все слабее и, наконец, совсем пропал.

– Малыш!

Ася остановилась, медленно обернулась.

Белобрысый стоял далеко от нее, на тропинке, там же, где она его оставила.

– Малыш, не уходи. Прошу тебя. Не оставляй меня здесь одного. Ты ж понимаешь, я... сдохну без тебя. Сдохну. – Он потерянно развел руками.

Ася почувствовала, как что-то мешает ей вздохнуть – давило на грудь, поднимаясь выше и выше, к самому горлу.

Нечто подобное она испытывала лишь однажды, когда полугодовалый Степка подавился кусочком сухаря, посинел, перестал кричать и шевелиться. После того как его откачали, Ася ощутила ту самую давящую тяжесть в груди и со стоном села на пушистый ковер в детской. Подскочил перепуганный

Сергей, схватил ее в охапку, отнес на кровать, заставил выпить резко пахнувшие капли, потом долго сидел рядом, держа руку на ее пульсе и напряженно вглядываясь в лицо. Вскоре ей стало легче, но по настоянию Сергея она целую неделю глотала круглые блестящие пилюли.

Сейчас Асе снова показалось, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Она судорожно вздохнула, раз, затем другой, пытаясь расслабиться, как учил ее Сергей.

Тяжесть слегка отпустила. Перед глазами все плыло, колени противно дрожали.

Белобрысый больше ничего не говорил, молча стоял на тропинке и, кажется, не замечал того, что происходит с Асей.

Она медленно повернулась и пошла по дорожке, стараясь дышать ровно и глубоко.

4

В фойе Дворца культуры толпились девчонки, еще без костюмов, одетые по-рабочему, в трико и спортивные маечки. Увидев открывающую стеклянную дверь Асю, они оживились, радостно загалдели и кинулись ей навстречу.

– Анастасия Витальевна пришла!

– Здравствуйте!

– Ой, Анастасия Витальевна, что так долго?

В мгновение ее окружило плотное кольцо.

– Анастасия Витальевна, мы будем репетировать? – перекрыв шум, громко поинтересовалась рослая черноволосая девушка с родинкой на щеке.

– Да, Диана, будем. – Ася с удовлетворением отметила, что голос звучит спокойно и естественно. Да и одышка почти прошла. – Где Кристина Павловна?

– Она у директора. Анастасия Витальевна, а вы чего такая бледная? Случилось что-нибудь?

– Нет, Диана, ровным счетом ничего. Просто волновалась, что опоздаю, неслась всю дорогу. – Ася заставила себя улыбнуться. – Давайте быстренько в зал.

Девчонки гурьбой побежали вверх по лестнице.

В танцевальном зале остро пахло краской, стены глянцево блестели, окна украшали новенькие кокетливые шторы. Ася настезь распахнула одну за другой все четыре фрамуги.

– Встали к станкам, поживее. Таня, не копайся, нет времени. Поехали жете, раз-два, раз-два... Марина, попу подтяни, Оля, выше голову. Хорошо. Раз-два, раз-два... Теперь плие. Прогибаемся, прогибаемся, не филонить! Диана, куда ты все время смотришь?

– В окно, – нисколько не смущаясь, ответила девочка.

– Я вижу, что в окно, но не могу понять, что тебя там заинтересовало.

– Гляжу, не приехали ли гости.

– Приехали, не приехали, это не твоя забота. Ты себе носок тяни. Вот так, так, отлично...

Дверь с шумом распахнулась, и в зал влетела Кристина. Она была в новой кожаной юбке супермини, открывающей ее обалденные ноги практически на всю длину. Тщательно навитые локоны падали на лоб и плечи, щеки горели багровым румянцем.

– Едут! – объявила она севшим от волнения голосом. – Только что Игорю на сотовый звонили – подъезжают к окружной.

– Ну и замечательно. Мы как раз успели чуть-чуть разогреться.

– Анастасия Витальевна, а что мы будем танцевать? – пискляво спросила тоненькая курносая Таня. – Давайте джайв?

– Да ну, джайв, – фыркнула Диана. – Лучше венский вальс и ту постановку, которую мы на Новый год показыва-

ли. Классно вышло.

– Тихо, тихо! – Ася подняла руки. – Никаких джайвов и венских вальсов. Новогодняя фантазия сегодня тоже не подойдет.

– Почему? – Диана обиженно надула пухлые губки.

– Мы должны продемонстрировать себя прежде всего как балетный коллектив. Если все пройдет успешно, на закуску можно, так уж и быть, станцевать джайв. А начнем мы с «Метели».

– Ура! – Девчонки радостно запрыгали, хлопая в ладоши.

– Значит, вы не против? – Ася улыбнулась. – Что ж, я рада, что попала в точку. Затем будет «Дождь», «Влюбленная бабочка» и «День рождения».

Это были маленькие танцевальные миниатюры, выполненные в строгом классическом стиле. Хореографию в них придумала сама Ася, она же являлась автором сюжета и по совместительству звукорежиссером. Девочки обожали эти крошечные, но выразительные номера, к тому же в каждом из них были разные солистки.

– Все. – Ася хлопнула в ладоши. – Бегом в артистическую, подбирайте костюмы. Чтобы через десять минут все были готовы.

Она открыла створку шкафа, в котором хранились кассеты с фонограммами.

Кристина с размаху плюхнулась на низенькую длинную скамеечку, стоявшую вдоль окон.

– Я так перенервничала! Тебя все нет и нет, звоню – не соединяется. А у меня ни секунды лишней. Только-только закончили со столом. Увидишь, закачаешься: шампанское, ананасы!

– А икра? – невозмутимо полюбопытствовала Ася, доставая с полок нужные записи.

– Икры нет, – обеспокоенно проговорила Кристина, – а что, ты считаешь, надо было?

– Конечно. И икру, и голубей в сметане.

Кристина весело захохотала.

– Аська, ну тебя! Вечно издеваешься. У меня и так крыша едет, а она со своими шуточками.

– А если серьезно, то, на мой взгляд, хватило бы и кофе с бутербродами, – подытожила Ася. Она хотела было закрыть шкаф, но передумала, слегка поколебалась, затем взяла с полки еще одну кассету, лежащую отдельно от других, и сунула ее в карман пиджака. – Все, я готова.

– Господи Иисусе, помоги нам. – Кристина истово перекрестилась.

В дверь заглянул директор дворца, Игорь Валентинович Усов, симпатичный, спортивный парень лет тридцати, которого все в коллективе называли просто Игорем.

– Девочки, вы как тут? – Он ободряюще улыбнулся подругам.

– Нормально, – в ответ ему улыбнулась Ася.

– Они уже подъезжают. Я пошел встречать, а вы ждите

тут. Мы к вам поднимемся. Как зал?

– Полный отпад!

– То-то. – Игорь самодовольно ухмыльнулся и скрылся в коридоре.

Сразу же вслед за ним пришли двое накачанных ребят из секции боди-билдинга и занесли в танцевальный зал несколько мягких кресел.

– Это для гостей, – пояснил один из них, хмурый, бритый наголо подросток, – Игорь Валентиныч велел.

– Ребята, вы как ставите? – засуетилась Кристина, немедленно вскакивая с места. – Не так, не так. Ровнее нужно, вот сюда и сюда.

Ася покачала головой, глядя на неугомонную подругу, и сняла наконец пиджак. Повесила его на вешалку в углу, подошла к зеркальной стене, на ходу поправляя волосы.

Вроде бы вид вполне нормальный. Вот только эта дурацкая бледность никак не проходит. Ася быстро расстегнула сумочку, достала из косметички румяна, спешно провела кисточкой по скулам, снова придирчиво глянула на свое отражение, кивнула удовлетворенно. Кажется, теперь получше.

Почему-то она никак не могла полностью прийти в себя – внутри будто натянулась до предела тонкая стальная струна, готовая в любую минуту лопнуть с оглушительным звоном.

В зал разноцветной стайкой впорхнули девчонки. На них были купальники и пачки, у каждой группки свои – белые, бирюзовые, голубые, лиловые. Послышался громкий шепот,

визги, приглушенный смех.

– Девочки, садитесь вон туда, – Ася указала на скамейку, которую только что покинула Кристина.

– А уже приехали? – подпрыгивая на месте от нетерпения, проговорила пухленькая голубоглазая Даша, самая младшая в ансамбле.

– Думаю, да.

Едва Ася произнесла эти слова, в дверь просунулась взъерошенная голова Игоря. Он обвел зал цепким взглядом, скорчил девчонкам свирепую физиономию, дескать, «смотрите, не подведите!», на секунду исчез и тут же возник заново, ведя под руки двоих женщин. Одна из них была средних лет, подтянутая, сухошавая, в отлично сидевшем шерстяном бежевом костюме, другая совсем молодая, высокая, с длинными темными волосами, небрежно собранными в хвост, в смешных круглых очках на носу.

Первая дама выглядела довольно суровой и надменной, девица же, напротив, приветливо улыбалась, с любопытством оглядывая зал.

Следом за женщинами вошел высокий статный мужчина лет пятидесяти, с элегантной сединой в волосах и крупным породистым носом.

Ася сделала незаметный жест, и девчонки бесшумно поднялись с мест в знак приветствия.

– Ну что ж, давайте знакомиться, – бодрым голосом начал Игорь. – Это наши хореографы, Анастасия Витальевна Ро-

манова и Кристина Павловна Сокольская.

– Очень приятно, – седоватый протянул руку Асе. – Председатель фонда помощи одаренным детям «Эдельвейс», Свечников Альберт Анатольевич. Какое, однако, громкое сочетание – Анастасия Романова! Ваши родители, наверное, были ярыми приверженцами монархии?

– Вовсе нет. – Ася сдержанно улыбнулась, – Романова я по мужу. А моя девичья фамилия звучала намного скромнее.

– Вы замужем? – громко удивилась девица в очках. – Такая молодая?

– Это она просто выглядит на восемнадцать, – тут же встряла в разговор Кристина.

– Ну, молодость – недостаток, который быстро проходит, – седоватый подмигнул Асе. – Разрешите представить: Нонна Максимовна Дыбина, мой бессменный заместитель, – он кивнул на сухощавую даму, – а это Наташа, Наталья Андреевна, наш секретарь.

Сухощавая едва заметно кивнула, а девица с готовностью по очереди потрясла руки Асе и Кристине.

– Я думаю, пора начинать. – Свечников поглядел на застывших в ожидании девочек. – Артистки волнуются, не будем испытывать их терпение.

– Сюда, пожалуйста. – Игорь указал на кресла.

Ася дождалась, пока все рассядутся, вставила в магнитофон кассету и вышла на середину зала.

– Прежде чем мы покажем, на что способны, я хотела бы

сказать пару слов.

– Да, пожалуйста, – отозвалась сухощавая. – Ваш директор в целом охарактеризовал ансамбль как коллектив интересный и самобытный, работающий на перспективу. Однако хотелось бы услышать мнение самого руководителя.

Ася кивнула, тихонько откашлялась и начала спокойным, ровным голосом:

– Наш ансамбль называется «Пластические перевоплощения». Его создала я шесть лет назад. У нас занимается в общей сложности сорок пять девочек в возрасте от восьми до семнадцати лет.

– Только девушки? – перебила очкастая. – Юношей нет?

– Нет. Ансамбль задуман как чисто женский.

– Надо же, как интересно. – Секретарша покачала головой.

– Моей целью было объединить несколько видов пластического искусства: классику, спортивные танцы и балльные. Наши девочки исполняют традиционные балетные номера, у них два раза в неделю хореография, станок, но вместе с тем мы танцуем латиноамериканские танцы и рок-н-ролл. Эстраду ставит Кристина Павловна.

– Да вы просто универсалы. – Свечников усмехнулся и кинул выразительный взгляд на заместительницу. Та брезгливо поджала губы. – Прошу прощения, продолжайте.

Его тон заставил насторожиться. Они не верят ей? Считают ее слова пустым трепом? Асе не раз приходилось сталки-

ваться с подобной реакцией на свою деятельность. Мало кто мог сразу воспринять идею объединения столь разных жанров, как эстрада и классика.

Она расправила плечи и подняла голову. Ну и пусть иронизируют! Посмотрим, что они запоют, когда увидят выступление.

– Собственно, я уже все сказала, – произнесла Ася тем убийственно ледяным тоном, которым пользовалась, когда хотела поставить собеседника на место, – он неизменно приводил в восторг Кристину. – Поэтому мы сейчас будем танцевать. Оля, Соня, Маша, Алена, вы готовы?

Четыре девочки в ослепительно-белых пачках вскочили.

– Встаньте на выход. Нет, чуть дальше, вплотную к стене. Вот, молодцы. Мы покажем вам четыре пластические миниатюры-зарисовки. Первая называется «Метель». Итак, музыка Сергея Рахманинова, солистки Оля Голубева, Соня Геворкян, Маша Степченко и Алена Иванова.

С кресел сдержанно поаплодировали. Ася щелкнула клавишей старенького, выдавшего виды магнитофона. В воздухе повисли призрачные вступительные аккорды рахманиновского этюда-картины.

Девочки на мгновение замерли, затем тонкой, гибкой белой змейкой стремительно метнулись вперед. Остановились, закружились в вихре все ускоряющейся музыки – плечом к плечу, практически не отликая друг от друга, будто их соединяли невидимые нити.

Вот они, все четверо, опустились на пол в глубоком шпагате, подняли руки, плавно покачивая ими – и все это идеально синхронно, словно единый организм. И снова их несет вперед, спиралью завивается белоснежная змейка-поземка, легко скользят крошки-снежинки, подгоняемые ветром...

Ася, не отрывая глаз от учениц, мельком взглянула на Свечникова. Тот сидел молча, не шевелясь, на лице у него был написан интерес.

«То-то же!» – удовлетворенно подумала она.

Девочки тем временем разъединились, и теперь каждая кружилась одна, все медленнее, более устало, постепенно надломленно опуская руки и пригибаясь к полу.

Музыка затихала, исчезала вдаль, как сама метель, уносясь далеко за бескрайние, заснеженные поля, высокие холмы, темные, дремучие леса. Дрожа, растаял последний, едва слышный аккорд, и в такт ему в последний раз заколебались воздушные юбочки снежинок. Наступила тишина.

– Bravo! – громко произнес Свечников. Дыбина сдержанно улыбнулась.

– Bravo, bravo! – с восторгом подхватила секретарша. – Мне так понравилось!

Все трое захлопали.

Девочки, довольные и слегка смущенные, раскланялись и сели на свои места.

– Кто автор постановки? – спросил Свечников. – Весьма удачная хореография.

– Хореография Асина, – тут же доложила Кристина. – То есть, я хотела сказать, Анастасии Витальевны. Она все сама придумала, вплоть до костюмов.

– Классно! – похвалила очкастая. – Просто супер!

Свечников покосился на нее, но промолчал.

– Следующий номер называется «Дождь». – объявила Ася.

Она включила музыку и отошла подальше, давая девчонкам простор для передвижения. Теперь все ее внимание было сосредоточено на Свечникове.

Совершенно ясно, что все зависит от его мнения. Костлявая тетка-заместительница вряд ли играет важную роль, а уж восторженная девица-секретарша тем более. Непонятно вообще, зачем они взяли ее с собой, цирк ходячий, да и только.

Ася отчетливо видела, что девчонкам удалось задеть председателя фонда за живое. Выражение лица его утратило официальность, стало мягче, живее. Глядя на ту или иную юную балерину, он чуть заметно улыбался.

Особенно ему понравилась сценка под названием «Влюбленная бабочка». Ее роль исполняла Диана, которая, несмотря на высокий рост, смотрелась в танце необыкновенно грациозно и изящно.

Сюжет миниатюры был прост: беспечная Бабочка порхает с цветка на цветок и вдруг видит перед собой Эльфа. Он так прекрасен, что Бабочка тут же теряет голову. Ради любимого она готова на все – оставить родную полянку, покинуть

семью, улететь в чужие далекие края.

Подруги пробуют образумить наивную дурочку, но напрасно. Бабочка улетает вместе с Эльфом в его страну. Однако там ее ждет горькое разочарование: оказывается, у возлюбленного есть подружка, которая вместе с ним уже давно и все это время терпеливо дожидалась его возвращения.

Бабочка в слезах умоляет Эльфа сделать выбор – ведь она сожгла все мосты к отступлению, поссорившись с родными и близкими. Но жестокий Эльф непреклонен. Он больше не любит Бабочку, она была для него лишь мимолетным увлечением.

Бедняжка в одиночестве пускается в долгий и тяжелый путь на родину, но, не долетев, погибает от усталости...

Диана танцевала так непосредственно и по-юношески свежо, что, глядя на нее, просто невозможно было остаться равнодушным. Ася, работая над постановкой, продумывала до мелочей каждую деталь и элемент, но ученица пошла дальше ее замысла, целиком подчинив чувствам профессионально отточенные движения.

Ее Бабочка ощутимо менялась, превращаясь из прелестной пустышки в существо, поначалу одержимое страстью, а потом безжалостно сломленное судьбой.

Безусловно, Диана была самой одаренной из всех Асиных учениц за шесть лет существования ансамбля. И самой строптивой – как всегда, эти два свойства были неразрывно связаны между собой.

Свечников после ее выступления долго хлопал и даже, поднявшись с места, галантно поцеловал девочке руку, на что та отреагировала с царственным величием, наградив председателя благотворительного фонда обворожительной улыбкой.

Глядя на нее, Ася подумала, что современные девчонки гораздо раньше обретают уверенность, нежели их предшественницы: в свои четырнадцать-пятнадцать они чувствуют себя совершенно взрослыми и достойными поклонения.

Последняя постановка, «День рождения», носила юмористический характер. В ней участвовал весь концертный состав ансамбля.

Когда девчонки закончили, Ася снова вышла на середину зала.

– Ну вот, это наша, так сказать, визитная карточка. Я специально не стала отбирать много номеров, чтобы не утомлять вас. Надеюсь, мнение о коллективе уже составлено.

– Правильно надеетесь. – Свечников вопросительно глянул на Дыбину: – Нонна Максимовна, что скажете?

– Интересно, – лаконично проронила та. – Оригинально. И действительно, не утомляет, что немаловажно.

– Нет, супер, просто супер! – снова, точно попугай, застрекотала девица, невзирая на то, что ее мнением никто не интересовался.

– Что ж, я очень рада. – Ася улыбнулась.

– И я рад, – вставил Игорь, до этого времени не проро-

нивший ни звука.

– А можно один вопрос? – Свечников скрестил руки на груди и пристально глядел на Асю.

– Конечно. – Она пожала плечами.

– Скажите, я правильно понял: в вашем репертуаре предпочтение отдается малым формам? Вы ставите что-нибудь, кроме миниатюр?

– Бальные и спортивные танцы.

– Это понятно. А из классики?

– Вы имеете в виду...

– Балет. Я имею в виду настоящий, классический балет.

С вашим мастерством вполне можно замахнуться на что-нибудь крупное и серьезное.

– Что вы, Альберт Анатольевич, – Дыбина скривилась, точно объелась кислятиной. – Куда им? Это же детский, самодеятельный коллектив.

Свечников даже не обернулся в ее сторону. В его глазах зажглось почти мальчишеское озорство.

– Значит, слабо? – Он продолжал в упор, не отрываясь, смотреть на Асю. – А жаль. Ей-богу, жаль!

– Да вам бы «Лебединое озеро» поставить! – волнуясь, подсказала девица. – Кто его написал-то, Глинка? Замечательный композитор.

– «Лебединое озеро» написал Петр Ильич Чайковский, – возмущенно проговорила Кристина, – и вообще... Ася, почему ты не скажешь? Ты же... ты... – она остановилась, во-

просительно глядя на подругу и не решаясь продолжить.

– Скажу, если уж на то пошло, – успокоила ее та.

– Девочки, вы о чем? – удивился Игорь. – Что за секреты?

– Не секреты, а производственные тайны. – Кристина фамильярно похлопала его по плечу. – Дело в том, что Аська уже давно ставит балет.

– Что значит «давно ставит»? Где? Когда? С кем?

– У нас, в ДК, – негромко произнесла Ася. – Еще с января, с нашими девочками.

– Так-так, – оживился Свечников. – И что же вы репетируете, если не секрет?

– Не секрет. «Ромео и Джульетту» Прокофьева.

Дыбина поперхнулась и закашлялась. Секретарша с энтузиазмом принялась лупить ее по спине. Свечников искоса наблюдал за ними, явно забавляясь ситуацией.

Игорь сидел, надувшись, глядя в сторону, мимо Аси. По его виду та поняла, что вдали от спонсорских глаз предстоит серьезная разборка. Ну и фиг с ним! Зато это шанс протолкнуть свой главный проект, осуществить давнюю, сокровенную мечту.

– Хотите, мы покажем вам один номер? – обратилась она к Свечникову.

– Вы еще спрашиваете!

Ася, круто развернувшись, направилась к вешалке, на которой висел ее пиджак. Достала из кармана кассету, вставила в магнитофон.

– Анастасия Витальевна! – раздался за ее спиной отчаянный шепот Дианы. – Мы же не репетировали! Не сможем!

– Сможете, если постараетесь. У вас все давно готово.

Она включила магнитофон. Оркестр тяжело грянул «Танец рыцарей». Дыбина перестала кашлять и остекленевшим взглядом уставилась в центр зала.

Девчонки, как были, в разноцветных пачках, выстроились в ровную шеренгу. Три скачка вперед, шаг назад, топтание на месте. Снова скачки, гульки, на всю ступню, так, что трясется отмытый до блеска пол. Спины согнуты под грузом железных лат, лица неподвижные, как у терминаторов.

Секретарша привстала с места. Свечников аккуратно нажал на ее плечо, и она опустила обратно в кресло.

Диана широкими прыжками продвигалась к середине зала, ведя за собой остальных. Резкий выпад вправо, затем влево – это меч пронзает противника насквозь. Басы гремят на фортиссимо, так, что звенит в ушах.

В горле у Аси пересохло от волнения. Она фиксировала каждый шаг девчонок, ежесекундно ожидая, что кто-нибудь из них ошибется, сделает неверное движение, нарушит неумолимый железный ритм. И тогда все пойдет насмарку, впечатление будет безнадежно испорчено, а ее сочтут за самонадеянную дуру, начисто лишённую вкуса и профессионализма.

Но танец шел на удивление гладко. Разноцветные юбочки трепетали от импровизированного ветра, тренированные

мышкулистые икры высоко вскидывались.

Вот и конец: оглушительный грохот из динамика, а затем – благословенная тишина.

Первым ее нарушил Игорь.

– Ну, знаете ли... – Было непонятно, выражает он восторг или, наоборот, неодобрение.

Свечников сосредоточенно барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Дыбина молчала, даже девица – и та будто воды в рот набрала.

Девочки, запыхавшиеся, красные, растерянно глядели на взрослых, ожидая их реакции. Пауза затягивалась.

Ася поймала тревожный взгляд Кристины и едва заметно развела руками. Ну что ж, значит, их не поняли. Не впервой, так некогда было и с миниатюрами.

– Спасибо, девочки, – проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойней и веселей. – Спасибо, вы свободны.

Девчонки, сникнув, поплелись к дверям.

– Погодите, – неожиданно произнес Свечников и встал. – Я прошу вас, задержитесь на минутку. – Он не спеша вышел на середину зала, остановился рядом с Асей. Взял ее руку в свою и крепко пожал, как будто перед ним был мужчина. – Честно говоря, барышни, я вам завидую. Не в каждом самостоятельном коллективе такой руководитель. Можете мне верить, я по роду деятельности неплохо разбираюсь в том, что такое настоящий талант.

Ася слушала, глядя в пол, чувствуя, как щеки заливают жар.

– Я думаю, ваш ансамбль заслуживает того, чтобы на него обратили внимание, – продолжал Свечников. – Верно, Нонна Максимовна?

Заместительница с готовностью кивнула.

– Так что, девочки, будьте спокойны и идите отдыхать.

– Да, да, – встрепенулась Кристина, до этого напряженно слушавшая Свечникова, – идите. И мы тоже отдохнем. – Она обняла очкастую за плечи и мягко, но настойчиво повлекла за собой.

– Да что вы, – вяло заартачилась та, – не стоит, право, так хлопотать...

– Стоит, стоит. – подключился Игорь, беря под локоток Дыбину. – Как говорится, чем бог послал. Посидим немножечко, пообщаемся в неофициальной обстановке.

Оглядев себя в зеркале, дамы двинулись к дверям. Свечников не трогался с места, продолжая стоять рядом с Асей.

– А вы что же, Альберт Анатольевич? – обратился к нему Игорь. – Просим присоединиться. И вас, Анастасия Витальевна, тоже. – Последние слова он сопроводил весьма выразительным взглядом.

– Спасибо, мы идем. – Свечников лучезарно улыбнулся, обнажая великолепные для своего возраста зубы, и слегка коснулся Асиной талии. – Не возражаете, если я составлю вам компанию?

– Нисколько.

– Тогда вперед.

Они вышли в коридор.

– Куда дальше? – поинтересовался Свечников, окидывая взглядом множество одинаковых дверей.

– В мой кабинет. – Игорь кивком указал в сторону лестницы. – Это этажом ниже. Кристина Павловна вас проводит. – Он галантно поклонился обеим женщинам и цепко взял Асю под руку. – Альберт Анатольевич, я на секунду украду у вас Анастасию Витальевну?

– Но только на секунду. – Тот строго погрозил пальцем и зашагал вслед за Кристиной.

Игорь подождал, пока все четверо скроются из виду. Сладкая улыбка мигом сбежала с его лица.

– Ну и за кого вы меня держите, дорогие мои? За олуха царя небесного?

Ася пожала плечами.

– За директора.

– Ах, за директора! – язвительно повторил Игорь. – Тогда почему, позволь спросить, я обо всем узнаю последним? Балеты они, понимаешь, ставят, драндулеты! Тоже мне, Гергиевы нашлись!

– Прости, я не думала, что тебе так важно знать, над чем именно мы работаем. – Ася невинно похлопала ресницами.

– Ты думала! – взорвался Игорь. – Ничего ты не думала, а прекрасно знала, что зал расписан по часам, и кроме вас с

Кристиной там занимаются еще три коллектива.

– Два, – уточнила Ася. – Художественная гимнастика и тэквондо.

– Три! Ритмику для пятилеток забыла? – Игорь выпустил ее локоть и скрестил руки на груди. – Ты мне расписку в начале каждого учебного года даешь? Что там пишешь? Обязуешься освобождать рабочее помещение в срок, без задержек. А сама весь прошлый год регулярно задерживала репетиции. Другие преподаватели ждали, бегали ко мне, жаловались, я их успокаивал, объяснял, что ансамбль готовится к гастролям, у вас обширная программа и т. д. А они, оказывается, балетами занимались в чужое время!

– Да я задерживалась на десять минут, не больше! – не выдержала Ася. – А после гимнасток на полу апельсиновая кожа валяется!

– Ну и что ты от меня хочешь? Чтоб я ее лично убирал?! Я вон ремонт практически сам делал, материалы на своей развалюхе возил, за бригадой следил, чтоб не напилась! А вам все мало, неблагодарным. – Игорь безнадежно махнул рукой.

Асе стало ясно, что основной пар он уже выпустил, и разговор можно считать оконченным.

– Ну что ты, Игорек. – Она погладила его по плечу. – Мы тебе очень благодарны. Такого директора днем с огнем не сыщешь. Просто это моя давняя мечта – поставить здесь, у нас, что-нибудь серьезное, настоящий спектакль, как в теат-

ре.

– Как в театре! – беззлобно хмыкнул Игорь. – Разве это возможно? Нужны декорации, костюмы, освещение – ты же знаешь, какие у нас средства.

– Знаю. – Ася вздохнула.

– Да и, кроме того, в любом балете есть мужские партии, а у тебя одни девки. Терпеть не могу, когда бабы за мужиков играют.

– И как они сегодня танцевали «Монтекки и Капулетти», тебе тоже не понравилось?

– Не то чтобы не понравилось, а чудно как-то. Непривычно.

– Кажется, Свечников придерживается иного мнения, – поддела Ася.

– Ну, черт его знает. – Игорь поморщился. – Они там зажрались в своем фонде, сидят на деньгах, кого хотят казнят, кого хотят милуют. У богатых свои причуды.

– Просто, в отличие от тебя, он разбирается в хореографии.

– Ладно, ты мне еще напомни, кто я по образованию, – обиделся Игорь.

Образование директора ДК действительно мало соотносилось с занимаемой им должностью. По диплому он был ветеринарным фельдшером и потому крайне болезненно реагировал даже на малейший упрек в собственной некомпетентности.

Работу свою Игорь очень любил, дворец содержал в полном порядке и искренне полагал, что понимает толк в настоящем искусстве.

– Ну, прости, пожалуйста, – попыталась спасти положение Ася, – я что-то не то сказала. Перенервничала, устала, голова болит. Ты не думаешь, что нас уже давно все ждут?

– Думаю. Надо идти. Но ты учти, я еще своего согласия на твои идеи не дал. Поняла?

– Чего ж тут непонятного.

– Ладно, мир. – Игорь зашагал к лестнице.

Дверь директорского кабинета была полуоткрыта, из-за нее доносились громкие, возбужденные голоса. Появление Игоря и Аси вызвало у всех радостное оживление.

– Ну, наконец-то, – пробасил Свечников. – А мы уж хотели выпить без вас.

– Нет, так не пойдет. – Игорь ослепительно улыбнулся и подтолкнул Асю к столу. – Сейчас выпьем все вместе.

– Расслабься, – шепнула ей на ухо Кристина. – Все отлично. Дядечка просто в восторге от тебя. Как вошли, только и разговору о том, какая ты талантливая да оригинальная. Так что отдыхай.

– Постараюсь, – тихонько ответила Ася.

– Пожалуйста, внимание! – Свечников негромко постукал вилкой по рюмке. Шум мгновенно утих. – Давайте наконец поднимем наши бокалы. Я предлагаю выпить за главных виновниц, если так можно выразиться, сегодняшнего торже-

ства, прекрасных хореографов и очаровательных женщин, Анастасию Витальевну и Кристину Павловну! – Свечников звучно чокнулся с каждой из девушек. – Анастасия, Кристиночка, за вас. Не обижайтесь, я по-простому.

– Что вы! – весело защebetала Кристина. – Мы и не думаем обижаться.

– За вас, девочки, – подхватил Игорь. – Вы у меня умницы. Альберт Анатольевич, Нонна Максимовна, коллектив, который вы сегодня видели, – гордость нашего дворца.

– Есть чем гордиться, – кивнул Свечников, нацеливаясь вилкой в розовый бок ветчины. Дыбина сосредоточенно накладывала на тарелку оливье.

Игорь окинул стол молниеносным взглядом и виртуозно наполнил опустевшие бокалы.

– У меня новый тост: за то, чтобы все надежды девочек оправдались и ансамбль смог принять участие в международном конкурсе, к которому готовится почти два года.

– Замечательный тост, – негромко проговорила Ася.

– И замечательно тонкий намек, – усмехнулся Свечников. – Дорогие мои, я все понимаю. Знаю, как трудно сейчас вывезти коллектив за рубеж, и постараюсь помочь чем смогу. Но, к сожалению, именно сейчас конкретно обрисовать масштабы этой помощи мы не в состоянии. Придется подождать недельку-другую.

– Будем ждать, – кивнул Игорь, – о чем разговор.

Он ловко завел дежурно-застольную беседу, стараясь

ненавязчиво вовлечь в нее всех присутствующих. Ася слушала ее вполуха, задумчиво очищая апельсин.

– Мне кажется, вы скучаете, – негромко произнес Свечников, наклоняясь к ней. – Или, может быть, обиделись?

– Я? – Она удивленно подняла брови. – С чего? Вот если бы вы сказали, что нам не на что рассчитывать, тогда...

– Вам, безусловно, есть на что рассчитывать, – мягко перебил он. – Я уже говорил и еще раз повторю – вы проделали великолепную работу, которая должна быть вознаграждена.

– Спасибо.

– Не стоит благодарить. Лучше выпьем за вас. – Свечников потянулся за ее бокалом.

– Да мы уже пили, – засмеялась Ася.

– Повторим. В тесном кругу: вы и я. Что вам налить?

– Сухого красного.

– Пожалуйста, получите. Ваше здоровье! – Он внимательно поглядел ей в глаза и покачал головой. – Вы запоминающаяся женщина, Анастасия, красивая, умная, с характером. Вот только... – Свечников на секунду замялся. – Чуть-чуть поменьше напряженности, а то у вас в лице ни кровинки. Вы всегда такая бледная?

– Да нет, – выдавила Ася, – не всегда. Просто у меня сегодня с утра все кувырком. Сын упал с велосипеда, сильно ударился. Я задержалась и боялась, что не хватит времени на репетицию.

Свечников понимающе кивнул.

– Вы звонили домой?

– Не успела.

– Так позвоните, зачем же дергаться! У вас есть телефон?

– Да, конечно. – Ася расстегнула сумочку, достала мобильник и отошла от стола к окну.

Трубку долго не брали. Наконец раздался гулкий Нинюсин бас:

– Слушаю!

– Нинюсь, это я, – вполголоса проговорила Ася. – Как у вас дела?

– Нормально, – лаконично ответила старуха.

– Как Степа?

– Спал. Сейчас покушал и играет.

– У него головка не кружится?

– Да нет, кажись.

– Ну хорошо. – Ася облегченно вздохнула. – Ты-то сама отошла?

– Нормально, – вновь прогудела Нинюся. Она почему-то совершенно не могла разговаривать по телефону, становясь на удивление косноязычной, как только бралась за трубку.

– Ладно. – Ася покосилась на Свечникова, который издали наблюдал за ней. – Сергей звонил? Когда он приедет?

– Сказал, что скоро.

– Пусть осмотрит Степку. И тебя заодно. Я постараюсь надолго не задерживаться.

– Ага.

– Ну пока.

Ася выключила телефон и вернулась. Ей стало немного легче, однако что-то внутри так и не отпускало, не давало почувствовать себя в своей тарелке.

– Ну вот, совершенно другой вид. – Свечников мягко улыбнулся и дружески обнял Асю за плечи. – Все хорошо, не так ли?

– Да, кажется, все обошлось.

– Я очень рад. – Он снова наполнил ее бокал. – Знаете, пока вы беседовали по телефону, у меня возникла интересная идея.

– Какая же?

– Только не поймите превратно, я ничего такого... Просто хотелось бы вас куда-нибудь пригласить. Например, в Большой, на премьеру «Снегурочки»? Или вы больше предпочитаете ресторан?

– Ни то ни другое, – быстро ответила Ася.

– Почему так категорично? – В голосе у Свечникова прозвучала ирония. – Я же предупредил – ничего такого. Чисто по-дружески, так сказать, из любви к искусству.

– Сожалею, но я не принимаю таких предложений.

– Никогда? – шутливо удивился он.

– Никогда.

– Бойтесь, муж заревнует?

– Можете считать, что так, – холодно произнесла Ася, давая понять, что разговор окончен.

– Что ж, – Свечников, казалось, ничуть не расстроился, а, наоборот, развеселился, – жаль, что вы такая верная жена. Впрочем, это еще больше возвышает вас в моих глазах. Скажите, когда вам нужны деньги?

– К лету. Лучше в начале мая.

– В начале мая, – повторил он, задумчиво разглядывая рюмку. – Вы собираетесь везти в Голландию Прокофьева?

– Если успеем сделать до конца.

– Понятно. – Свечников вдруг потерял интерес к их беседе, пододвинулся к Кристине и принялся что-то нашептывать ей на ухо, отчего та покраснела и начала тоненько, визгливо хихикать.

Дыбина доела салат и с постным видом наблюдала, как захмелевшая секретарша клеится к Игорю, громко уговаривая его выпить на брудершафт.

Асе мучительно захотелось уйти. Выскользнуть потихоньку из кабинета, ничего никому не говоря, спуститься, одеться и уехать домой. Может быть, Сергей уже вернулся из больницы и, как всегда, ждет ее, не обедает.

Пока она прикидывала, удобно или нет осуществить задуманное, Дыбина, видимо, окончательно соскучилась.

– Альберт Анатольевич, – она решительно потрясла Свечникова за плечо, – не пора ли нам? Уже почти пять.

– Пора, – сразу согласился тот. – Кристиночка, я рад, что сумел вас развеселить.

– Ой, и не говорите. – Кристина махнула рукой и снова

залилась хохотом. – Ну вы и шутник! А с виду такой серьезный.

– Кристя, ты полегче. – Игорь строго погрозил ей пальцем. – Не забывай, что перед тобой президент благотворительного фонда.

– Только без официальности, – поморщился Свечников. – Не надо портить такую замечательную встречу. – Он снял со спинки стула пиджак. – Что ж, действительно время прощаться. Спасибо за концерт и за прием. Надеюсь, в недалеком будущем смогу вас обрадовать. Пойдем, Нонна Максимовна.

Он повел Дыбину к дверям. Позади Игорь почти волоком тащил на себе секретаршу.

Перед тем как покинуть кабинет, Свечников обернулся, мельком взглянул на Асю и молча вышел.

– Слава тебе, господи! – Кристина блаженно опустилась на мягкий кожаный диванчик, обмахивая потное лицо программкой, взятой со стола у Игоря. – Мы это сделали!

Волосы ее растрепались, юбка задралась.

– Кристя, ты пьяная. – Ася улыбнулась, подошла к подруге и уселась рядом. – Что он тебе говорил, этот тонкий ценитель искусства? В ресторан приглашал?

– В ресторан? Меня? – Кристина скорчила уморительную физиономию. – Нет, что ты. Он про секретаршу рассказывал, эту курицу в очках. Не поверишь, она его племянница!

– Родная?

– Самая что ни на есть. Дочка сестры. У девки девять классов образования, три раза поступала в техникум, и все время облом: пару гребет на первом же экзамене. Головка ни бум-бум.

– Вообще-то видно, – со смехом согласилась Ася.

– Вот он ее и устроил в фонд, вроде как на работу. Только какая там работа – она в одном слове по пять ошибок делает. И ничего не попишешь, приходится терпеть, ради сестры.

– Бедняга, – неожиданно едко произнесла Ася.

– Кто? Племянница?

– Да нет, дядя.

Кристина удивленно уставилась на подругу.

– Тебе он не понравился?

– Абсолютно. Самовлюбленный индюк.

– Напрасно ты так. – Кристина неуверенно пожала плечами. – Мужик как мужик. Запал на тебя, видно невооруженным глазом. Могла бы и полюбезнее с ним обойтись – все-таки он нам денежки собирается дать, и немалые.

Ася резко отстранилась.

– А при чем здесь я? Деньги даются на ансамбль.

– Да ладно, не злись, – миролюбиво проговорила Кристина и зевнула. – Ты вообще сегодня странная какая-то. С Серегой поцапалась?

– Нет. Степка нос расквасил, аккурат перед моим уходом.

– Ну их, этих детей, – ворчливо заметила Кристина. – Вечно с ними морока. Я вот точно не рожу до тридцати пяти.

– Родишь, куда ты денешься, – насмешливо сказала Ася и встала. – Ладно, Кристя, я побегу, а то мало ли что.

– Беги, – согласилась та, – а я дождусь Игорька. Жратвы вон сколько осталось, а родительский комитет убирать только в шесть придет. Надо доесть.

5

Едва Ася завозилась в замке ключом, дверь распахнулась. На пороге стоял Сергей.

– Привет.

– Степку смотрел? Что с ним?

– Полный порядок. Ты в дом-то войди, а то с площадки сыплешь вопросами.

Лицо у него было спокойным и безмятежным, тон, как обычно, чуть ироничный.

– Ну слава богу. – Ася зашла в прихожую, повесила на крючок сумку. – Я из-за них с Нинюсей чуть сегодня с ума не сошла.

– Тебе бы у нас в отделении поработать. – Сергей снисходительно улыбнулся. – Тогда бы поняла, что такое пара пу-стяковых царапин в сравнении, к примеру, с полостной операцией.

Он потянулся, чтобы снять с нее пиджак, и Асе внезапно показалось, что от него слишком приторно пахнет туалетной водой.

– Чего кислая такая? – Сергей обнял ее за талию. Этот привычный жест неожиданно вызвал в ней странное отторжение. Она мягко высвободилась из его рук.

– Аська, да что случилось? – Он, наконец, перестал улыбаться и посмотрел на нее с тревогой. – Неужели встреча

провалилась? Вам отказали?

– Нет, все прошло отлично. Просто я... я устала. – Ее голос предательски задрожал, к горлу подступил комок.

Что с ней? Что происходит? Откуда эта гнетущая, непонятная тоска, тяжесть на сердце, желание отгородиться от всех, остаться одной? Неужели она так перенервничала из-за Степки и из-за спонсоров?

Но ведь все уже позади, мальчик цел и невредим, а выступление оказалось на редкость удачным. Почему же она никак не придет в себя?

Из детской высунулась Степкина рожица.

– Мама пришла! – радостно завопил он и бросился на встречу Асе.

Она подхватила его на руки, крепко прижала к себе, поцеловала в упрямо торчащий на макушке хохолок.

– Маленький мой, солнышко, котенок!

– Мам, больно. – Степка выскользнул из ее объятий и сполз на пол. – Ты вкусненькое купила?

– Забыла. – Ася виновато развела руками. – Торопилась узнать, как ты себя чувствуешь, и не зашла в магазин.

– А я мороженое хотел. – Степка разочарованно вздохнул.

– Обойдешься и без мороженого, – строго сказал Сергей. – Не видишь, мама устала, еле на ногах стоит. А ну-ка марш к себе, и не шуметь, понял?

Степка кивнул, шмыгнув слегка припухшим носом и удалился.

– Пойдем пообедаем, – мягко предложил Сергей. – Там Нинюся борщ сварганила, пахнет обалденно. Я без тебя не стал пробовать. Пошли?

Ася кивнула и побрела на кухню вслед за мужем.

Она совершенно не чувствовала голода, хотя во время фуршета ни к чему, кроме апельсина, не притронулась, а завтракала рано утром, и то кое-как. Больше всего сейчас ей хотелось закрыться в спальне, лечь, отключиться, ни с кем не разговаривать, не отвечать ни на чьи вопросы.

На столе стояли две тарелки, блюдце с нарезанным хлебом, аккуратно лежали ложки, салфетки. Даже стул, на котором Ася любила сидеть, был предусмотрительно отодвинут в сторону.

– Садись. – Сергей ловко снял крышку с блестящей пузатой кастрюли. – Я за тобой поухаживаю. Хлеб бери.

Ася послушно взяла из тарелки горбушку. От заботливости Сергея, его ласкового, участливого тона ей стало еще поганей, к ощущению потерянности и пустоты присоединился отчаянный стыд.

Впервые за свою семейную жизнь она не почувствовала радости, увидев мужа на пороге. Впервые у нее не возникло желания обнять его, поцеловать, поделиться всем, что произошло за день. Она ощущала себя чужой, далекой и страшно одинокой.

– Вкусно? – Сергей внимательно наблюдал, как Ася вяло подносит ко рту ложку за ложкой.

– Вкусно.

– Второе будешь?

– Нет, спасибо. – Она решительно покачала головой. – Ничего, если я прилягу? Спать хочется.

– Конечно, что за вопрос. Ты когда сегодня проснулась, в полшестого?

– Кажется. – Ася слабо улыбнулась.

– Так что же ты хочешь, дорогая моя? Иди ложись немедленно.

В полумраке спальни ей стало немного легче. Ася плотно прикрыла дверь, переоделась и залезла под одеяло. Она старалась думать об обыденных делах: завтра свободный день, нужно будет пропылесосить квартиру, заставить Степку самостоятельно прочитать книжку, сходить с ним прогуляться в парк. Да, и не забыть застирать халат, Степка его весь кровью измазюкал.

И повезло же ей сегодня навидаться крови – сначала Степка, потом тот тип с рынка...

Ася вдруг резко села на постели.

Неужели? Неужели причина в этом? Вовсе не Степкино падение с велосипеда не дает ей покоя, а встреча с белобрысым!

Ей стало жарко, щеки запылали, лоб покрылся испариной. Почему она думает о нем? Кто он такой – вокзальный бомж, пьяница, может, даже ворюга. Валяется небось сейчас под забором и храпит, или водку глушит с такими же

оборванцами. Что он там ей плел? Сдохнет, если она уйдет, оставит его одного? Наверное, каждой, кто мимо проходит, так говорит. Наверное...

А если не каждой? Если... только ей?

Ася в отчаянии закрыла глаза. Зачем об этом вспоминать? Что она может сделать? Помочь ему? Но чем? И почему так настойчиво стоит перед глазами его лицо – страшное лицо, окровавленное, перекошенное яростью...

Да нет, вовсе не страшное, а близкое, знакомое, родное. Как будто она знает его очень давно, с незапамятных времен...

...Ее пальцы с силой сжали край подушки. Но ведь это бред! Она же любит Сергея, всегда любила, таяла от его прикосновений, засыпала, уютно свернувшись клубком в его объятиях! Как может кто-то быть ей ближе, родней, желанней?

Словно отвечая на немой вопрос, дверь тихонько скрипнула.

– Не спишь? – шепотом произнес Сергей, заходя в спальню.

– Нет, не могу.

– А Нинюся уснула. – В темноте его лица не было видно, но Ася слышала, что он улыбается.

Мягкими, беззвучными шагами Сергей прошел по ковру и остановился возле кровати. Сел на краешек, осторожно погладил ее ноги под одеялом.

– Степка тоже сейчас ляжет, только «Спокойной ночи, малыши» досмотрит.

Голос Сергея становился все глуше, вкрадчивее, он наклонился над Асей. Тошнотворный, сладковатый запах одеколона накрыл ее с головой.

– Зайка, я по тебе соскучился. Так соскучился!

Она сделала над собой чудовищное усилие, но не почувствовала ничего, кроме возрастающего отчуждения.

– Сережа, не надо. Я не могу. У меня голова болит.

– Пройдет, я тебе обещаю.

– Нет, пожалуйста, – Ася руками уперлась ему в грудь, – Степка не спит.

– Говорю же, он сейчас ляжет. Не бойся, я дверь закрою на задвижку.

– Не надо дверь... я не хочу... Сергей!

– Асенька! – Он прижал ее ладонь к своей щеке. – Детка, ну не сердись. Ну пойми, я тебя так хочу, моя сладкая, моя Зайка!

Ее вдруг охватило глубокое, тоскливое безразличие.

Сергей что-то нежно шептал ей на ухо, целовал лицо, шею, грудь. Она не сопротивлялась, но и не отвечала на его ласки, ощущая себя в прострации.

Его дыхание участилось, пальцы крепко, до боли сжали Асины плечи. Потом он замер, затих, вытянувшись рядом, зарывшись лицом в ее разметавшиеся по подушке волосы...

– Зайка!

– Что? – она с трудом разлепила пересохшие губы.

– Прости меня. – Он виновато потерся носом о ее щеку. –

Я понимаю, ты устала. Не надо было.

– Все в порядке, Сережа, все хорошо.

Он бережно укутал ее одеялом.

– Я тебя люблю. Всегда буду любить, слышишь? Мне никто не нужен, кроме тебя – хочу, чтобы ты это знала. Понимаешь?

– Да.

– Завтра ты будешь совсем другая, отдохнувшая, бодрая. Не обижайся на меня, ладно?

– Не буду.

«Завтра, – мелькнуло у нее в голове. – Завтра, может быть, действительно все пройдет. Станет, как раньше, до сегодняшнего дня. Проходят же грипп, лихорадка, даже раны, и те заживают и не болят...»

6

Утром Сергей ушел на работу. Ася осталась со Степкой и Нинюсей.

Она нарочно нагрузилась домашними делами: вылизала квартиру, перетерла хрусталь в горке, перегладила кучу белья, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей о странном человеке на тропинке.

Однако у нее ничего не получалось. Тяжесть на сердце не проходила, а, наоборот, становилась сильнее и сильнее.

Все больше раздражаясь на саму себя, Ася сорвалась, накричала на Степку, по какой-то ерунде сцепилась с Нинюсей, доведя старуху до слез, а в довершение всего сильно порезала палец кухонным ножом.

Примерно в половине пятого она поняла, что так продолжаться не может, и, игнорируя Степкино нытье, оделась и вышла на улицу.

Накрапывал мелкий дождик, но Ася не стала раскрывать зонтика. Она не спеша брела по скверу, стараясь разобраться в себе самой, в том, что с ней произошло, найти силы для борьбы и сопротивления.

Ее семейная жизнь всегда была предметом зависти подруг: у кого-то мужа выпивали, погуливали, приносили мизерную зарплату, предпочитали проводить досуг на диване перед телевизором.

Сергея же, по общему мнению, считался образцово-показательным супругом. Черноволосый красавец с белозубой улыбкой, профессионально успешный, почти не пьющий, не курящий, жену и сына обожающий – о таком можно было лишь мечтать.

– Смотри, уведут! – в шутку грозилась Кристина всякий раз, когда покидала их гостеприимный дом.

– Смотрю, – с вызовом отвечала Ася.

И она действительно смотрела. Старалась, как могла, выглядеть на все сто, в доме был идеальный порядок и доброжелательная атмосфера. Она неизменно встречала мужа улыбкой и вкусными обедами, следила за его гардеробом.

И вдруг ее благополучию, безмятежному существованию угрожает крах! Причиной которого является вовсе не Сергей, а она сама, овладевшее ею невероятное наваждение, дурь, блажь – как еще можно такое назвать!

Ася остановилась посреди тротуара.

Нет, этому необходимо положить конец! Совсем с ума сошла? Да как она смеет настолько потерять самообладание и здравый смысл!

Она решительно повернула обратно.

Нужно вернуться домой, попросить прощения у Нинюси, поиграть со Степкой в новую игру, которую ему недавно подарила бабушка, а через час встретить Сергея у дверей. Обнять его, сказать, что он лучший, самый замечательный на свете человек, попросить забыть о том, какой она была вчера

вечером.

Ася строго следовала задуманному. Пришедший с работы муж застал ее тщательно накрашенной, нарядно одетой и сияющей. Если бы он только мог знать, каких титанических усилий стоил ей этот непринужденный, счастливый вид, какая яростная борьба происходила у нее внутри, пока они мило болтали, уплетая ужин!

Но Сергей ни о чем не догадывался, он просто радовался, что дурное настроение жены испарилось, как дым, смеялся, шутил, строил планы на ближайшие выходные. Ася шутила и смеялась вместе с ним, а Степка крутился у них под ногами, беспрестанно задавая дурацкие вопросы и норовя стянуть десятую конфету из вазочки, стоящей на столе.

В среду на репетиции Ася объявила девочкам, что намеревается заняться Прокофьевым вплотную, в самое ближайшее время.

– Вы что, хотите его на конкурс? – догадалась проницательная Диана.

– Хочу.

– А кто будет Ромео?

– Ты.

– Я?!

– Ты против? – Ася с улыбкой поглядела на скривившуюся девочку.

– Конечно. – Диана капризно дернула плечиком.

– Но почему? Разве тебя не привлекает исполнить настоящую сольную роль?

– Я хочу танцевать Джульетту. Мне не нравятся мужские партии. Довольно одного «Танца рыцарей».

– Глупости. – Ася вставила в магнитофон кассету. – Не будь в плену у предрассудков. Послушай лучше, какая музыка. Это сцена прощания, называется «Ромео и Джульетта перед разлукой».

Диана неохотно уселась на скамейку. Вид ее выражал крайнее неудовольствие.

– Ну что, изменила свое мнение? – спросила у нее Ася,

когда музыка закончилась.

– Нет. Я не буду танцевать за юношу. Меня одноклассники засмеют.

– Да с чего ты взяла?

– Точно засмеют, – поддержала Диану Ира, симпатичная кудрявая блондинка с ямочками на щеках. – Вы не знаете, какие у нас в школе мальчишки, Анастасия Витальевна.

– И какие?

– Дураки, – дружным хором произнесли девочки.

– У нас вечер был, – начала рассказывать смешливая озорная Катюша, – для младшекласников. Мы там сценку ставили, я зайца играла. Вы бы видели, что в зале творилось: все ржали, свистели. До сих пор меня дразнят: «Косой, а косой, как дела?»»

– А вы не рассказывайте одноклассникам, – посоветовала Ася.

– Ну да, не рассказывать, – отмахнулась Диана. – Все рядом живут, в одном микрорайоне, друг про дружку все знают, ничего не скроешь.

– Значит, не будем ставить балет?

– Не будем, – вразнойбой протянули ученицы. – Лучше еще какую-нибудь миниатюру сделаем.

– Девочки, вы меня убиваете. – Ася вынула кассету, спрятала ее в шкаф, принесла из угла стул, поставила напротив лавочки и села. – Я не думала, что для вас так много значит чужое мнение. Но главное даже не это. Я всегда была уве-

рена, что вы чувствуете себя артистами, а настоящий артист должен уметь сыграть все. Пусть даже огурец изобразить.

– Огурец! – прыснула Катюша.

– Зря смеешься. Я говорю абсолютно серьезно. Хотите, расскажу один случай из своего детства?

– Конечно, хотим.

– Мне тогда было четырнадцать, почти столько же, сколько тебе, Диана, и тебе, Ириша. К нам в школу пришла руководительница самодеятельного театра. Она сказала, что приглашает всех желающих играть в спектакле. В настоящем спектакле, с костюмами, освещением, декорациями. Ясно, мы с подружками были в восторге от такого предложения и тут же записались в кружок.

Нас собрали на первую репетицию, и тут обнаружилась одна не особо приятная деталь: девчонок ровно втрое больше, чем мальчиков. Попросту говоря, ребят было всего трое, в то время как нас целых девять человек. Остальные предпочитали гонять в футбол на школьном дворе.

Увидев это, наша режиссерша очень расстроилась. Оказывается, она собиралась ставить «Три мушкетера», а как известно, роли там в подавляющем большинстве мужские.

«Ну, что с вами делать? – грустно спросила она. – Снова брать «Аленький цветочек» или «Гуси-лебеди»?»

Мы зашумели, что хотим играть взрослую пьесу, а детсадовский репертуар нам давно надоел.

Руководительница некоторое время подумала, а затем

предложила:

«Тогда пусть короля и кардинала играют мальчики, а мушкетеров – девочки».

– А Д’Артаньяна? – перебила Асю Диана. В темных глазах ее зажглось любопытство.

– Д’Артаньяна дали мне! – Ася сделала паузу, наблюдая за произведенным эффектом.

– Но был же третий мальчик!

– Он оказался слишком хлипким, какого-то негероического склада, и ему поручили роль слуги. Однако вы вынудили меня забежать вперед. Если же соблюдать хронологию, то события развивались так: на предложение режиссера мы ответили категорическим отказом. Точно, как вы сейчас.

– И что она? – робко спросила тихая, застенчивая Алена.

– Принялась нас убеждать, уговаривать, что у нас все получится наилучшим образом. И, в общем, убедила. Мы начали репетировать.

Поначалу было чудно: вполне взрослые девчонки, у всех уже сложились фигуры. Нам казалось, что в мушкетерских костюмах мы выглядим ужасно смешно. Стеснение мешало расслабиться, руки и ноги были деревянными, да к тому же эти дурацкие шпаги, болтающиеся на боку! Они доставали нас больше всего, просто из себя выводили.

Но наша руководительница обладала завидным терпением. Она придумывала и ставила с нами кучу этюдов, фантазировала интереснейшие мизансцены и при этом не устава-

ла повторять, какие мы способные и умелые. И постепенно у нас стало получаться.

Сначала исчезла скованность, сценические движения приобрели уверенность и пластичность, мы научились владеть шпагой. А затем появился азарт.

На премьеру пригласили всю школу, актовый зал ломился, в нем негде было яблоку упасть. Мы с девчонками стояли за кулисами и тряслись: в первых двух рядах сидели наши одноклассники. До нас долетали приглушенные смешки и комментарии, типа: «Ну, сейчас будет комедия».

Первой не выдержала моя соседка по парте, Лена Самойлова.

– Девочки, я боюсь. Нас подымут на смех. Посмотрите, у меня под плащом грудь видна!

Мы стали утешать ее, но уверенность потихоньку покидала и нас.

И вот начался спектакль. Первое, что мы услышали, появившись на сцене, – громовой шепот нашего классного двоечника и шута: «Гляньте, три мушкетерихи с вениками идут!»

И тут мы увидели нашу руководительницу. Она стояла сбоку, в проходе между стульями и окном, и улыбалась – так весело, будто ничего плохого не происходит, напротив, все идет великолепно. Как я сейчас понимаю, ей нелегко давалось самообладание. Наверняка трусила не меньше нас, просто виду не подавала.

Но тогда... ее молчаливая поддержка оказалась как нельзя кстати. Пересиливая смущение и страх, мы продолжали играть наши роли. И зал затих.

Знаете, девочки, есть такая особая тишина, знакомая только тем, кто выступает перед публикой – артистам, музыкантам, спортсменам. Ее чувствуешь всем своим нутром. Она окрыляет, связывает тебя с сотней других людей невидимыми, но прочными узами. Крепче, чем иное слово. Понимаете, о чем я говорю?

Ася поглядела на притихших девчонок.

– Да, понимаем, – точно эхо, отозвалась Диана.

– Ну вот. Это было чудесно. Я до сих пор помню каждое свое движение, каждую фразу, как мне хлопали – очень громко и искренне. А потом, на следующий день, к нам подошли мальчишки. И знаете, что они сказали?

– Что вы классно играли, – подсказала Катюша.

– Да. – Ася улыбнулась. – Ты права. Но не только это. Они через десять минут забыли, что перед ними на сцене девочки из их класса. Мы были настоящими мушкетерами и отлично фехтовали. И они... приглашают нас на дискотеку в ближайшую субботу.

Девчонки весело захохотали.

– Тогда было другое время, – старушечьим тоном произнесла Диана и вздохнула.

– Ерунда, – вдруг возразила Алена. – Все времена одинаковы. Что, наши пацаны не люди?

– Правда, девочки, может, попробовать? – нерешительно проговорила Ира.

Некоторые закивали ей в ответ. Одна Диана продолжала молчать, ногтем отколупывая от скамейки краску.

– Не порти казенное имущество, – попросила ее Ася. – И не заставляй себя уговаривать всем коллективом. Ты ведь уже давно согласна, только...

– Выпендривается! – подсказала Маша, которая должна была танцевать Джульетту.

– Сама ты выпендриваешься. – Диана показала ей кулак. – Ладно, давайте репетировать. Но предупреждаю: если во время моего танца в зале кто-нибудь вякнет – больше на сцену не выйду!

– Идет, – согласилась Ася.

Она снова поставила музыку, и они с девочками долго слушали кассету, раз за разом перематывая пленку и возвращаясь к началу. Так пролетело все время, отведенное для занятия.

– Завтра у вас рок-н-ролл, – сказала Ася на прощанье, – а послезавтра начнем делать первую сцену. И не забудьте поговорить с родителями насчет костюмов – денег на них нет, шить будете за свой счет.

8

Прошла неделя, за ней другая. Асины героические усилия не пропали даром – ей стало намного легче. Воспоминания о белобрысом утратили волнующую яркость, перестали пугать, поблекли, а вместе с ними ушли тоска и апатия.

Лишь один раз, за ужином, Ася неожиданно для самой себя, спросила нарочито безразличным тоном:

– Сереж, слушай, а у вас в больнице лечатся эти... ну, афганцы?

– Ты имеешь в виду ребят из Чечни? – уточнил Сергей.

– Нет, именно тех, кто воевал в Афганистане.

Он отрицательно покачал головой.

– Нет. Та война была давно, кто мог, давно вылечился. А ты почему спросила?

– Да так просто. – Ася неопределенно пожала плечами. – Газета старая попалась, когда на антресоли лазила, а в ней статья. Я прочла от нечего делать. Жалко их, правда?

– И их, и теперешних тоже. Вся жизнь потом наперекосяк, лечи, не лечи. – Сергей вздохнул и прислушался к доносящимся из детской звукам телевизора. – Вот ты давай, заставляй Степку читать. А то вырастет неучем, провалится в институт, в армию пойдет. Пошлют в горячую точку.

– Не провалится. В крайнем случае можно будет пойти в коммерческий вуз.

Лицо Сергея сделалось замкнутым и суровым.

– Это мы с тобой можем гарантировать сыну платное обучение. – Он резко отодвинул чашку, поднялся из-за стола, прошелся по кухне взад-вперед. – А кто-то не может. И таких много, понимаешь?

– Да. – Ася опустила глаза.

Почему-то раньше она никогда не задумывалась о том, что есть люди, которые не могут позволить себе не только вкусно питаться и хорошо одеваться, но и помогать своим детям получать образование. А ведь они действительно есть: инвалиды, одинокие женщины, семьи с периферии, где работы или вовсе нет, или за нее платят гроши.

Разговор больше не клеился. Ася собрала со стола посуду и принялась ее мыть, Сергей ушел в комнату читать газету.

Весь этот вечер Ася думала о том, как многим обязана мужу. Он позволил ей быть беззаботной, обеспечивая всем необходимым, предоставил возможность заниматься любимым делом, за которое она, как все бюджетные работники, получает копейки. У нее и у Степки все есть – хорошая квартира, дача, машина, шмотки, мясо с рынка и фрукты. Благодаря Сергею они в состоянии кормить и содержать Нинюсю, помогающую Асе по хозяйству.

Неужели можно не оценить всего этого?

Ей стало совсем спокойно и хорошо. Она счастлива, и всегда так будет. Пока рядом Сергей, он любит ее, заботится и стал той каменной стеной, о которой мечтает любая женщи-

на.

9

Справившись с внутренним разладом, Ася все силы пустила на постановку Прокофьева. В своих мечтах она давно до мелочей продумала многие сцены, теперь оставалось лишь воплотить их в жизнь.

Репетиции шли на одном дыхании, ни Ася, ни увлекшиеся девчонки не замечали времени, готовые трудиться на износ.

К началу октября начерно было готово первое действие. Оценить работу Ася и Кристина решили пригласить Игоря, дабы тот больше не чувствовал себя обиженным.

Он с умным видом просмотрел все сцены до самого конца, но едва раскрыл рот, чтобы высказаться, в зал заглянула пожилая вахтерша, тетя Катя.

– Девочки, к телефону!

– Кого именно? – поинтересовался Игорь, недовольный, что его перебили.

– Да не разобрала я! Слышно плохо. Сказали танцовщицу, а которую, не поняла, вы уж простите меня, глухую тетерю! – старушка сокрушенно развела руками.

– Я сбегая, – вскочила Кристина. – Вы посидите тут, а я мигом...

Она унеслась, громко хлопнув дверью. Ася и Игорь с улыбкой переглянулись.

Кристина на работе славилась пристрастием к противополо-

ложному полу. Во время репетиций ей регулярно названивали многочисленные поклонники, с которыми она легко знакомилась где угодно, начиная с общественного транспорта и заканчивая улицей, но опасалась давать номер сотового, почему-то предпочитая снабжать их служебным телефоном.

– Ну, что скажешь? – осторожно спросила Ася у Игоря.

– Да ничего, – тот пожал плечами, – в принципе, нормально. Даже, можно сказать, захватывающе.

Слово «захватывающе» из уст директора означало его высшую похвалу, которой он удостаивал далеко не всякого.

– Я тронута, – благодарно произнесла Ася. – Честно говоря, думала, тебе не понравится. Сыро все, сляпано на живую нитку.

– Нет, нет. – Игорь окончательно растаял, польщенный ее кротким тоном. – Что-то в этом есть. Продолжайте в том же духе, посмотрим, что получится к каникулам. Можно будет отдельные сцены вставить в концерты, их там в ноябре до чертиков ожидается.

Девчонки радостно зашумели.

– Слышали? – весело обратилась к ним Ася. – Срочно готовьте костюмы. Вы говорили с родителями?

– Да! – раздались нестройные голоса.

– Нет!

– Как раз собирались...

– Так не пойдет, – перебила она. – Побеседовать нужно прямо сегодня. Или, лучше в субботу проведем собрание и

выясним, кто какой суммой располагает и что на эти деньги можно соорудить. Хорошо?

– Да!

Дверь широко распахнулась, и появилась запыхавшаяся Кристина.

– Скорее! – она нетерпеливо помахала рукой, – Ася, это тебя! Бегом!

– Меня? – удивилась Ася. – Кто?

– Бегом, говорю! Это спонсоры! Ну тот седой дядька, как его...

– Свечников! – Игорь поднялся со стула. – Почему он мне не позвонил?

– Говорю же, хочет разговаривать с Аськой! Ну ты идешь или нет?

– Да иду же, иду. – Она побежала к дверям, чувствуя, как ей передается ажиотаж.

– Как раз две недели прошло. – Острые каблучки Кристины лихо сыпали дробь по лестнице, – Аська, ты представляешь, если он даст деньги?!

– Представляю! Тихо, замолчи, дай мне сосредоточиться.

Они сбежали вниз и остановились посреди широкого холла первого этажа.

– Дальше иди одна, – решительно заявила Кристина.

– Это почему?

– Я боюсь! Не хочу слушать, как вы будете разговаривать – вдруг облом?

– Ну ты даешь. – Ася пальцем выразительно покрутила у виска и отправилась к вахте.

Трубка лежала на столе. Тетя Катя вязала, вполголоса считая петли.

Увидев Асю, она улыбнулась и проговорила извиняющимся тоном:

– Стало быть, тебя. А я не расслышала, трещит чтой-то в аппарате. Или это у меня в башке? На пенсию пора.

– Ничего страшного, тетя Кать, – успокоила ее Ася и взяла трубку. – Я вас слушаю!

– Анастасия Витальевна?

– Да, это я, Альберт Анатольевич. Здравствуйте.

Слышно было действительно неважно, но все-таки сносно.

– Здравствуйте. Рад вас слышать. Как поживаете?

– Ничего, спасибо.

– Работа продвигается?

– Да.

– А балет?

– Репетируем. Первое действие уже готово.

– Ну, вы молодцы! – Наступила пауза, сопровождаемая отдаленными гудками. – Анастасия! Я ведь звоню, чтобы обрадовать вас. Есть деньги на дорогу туда и обратно.

– Да что вы говорите! – обрадованно воскликнула Ася.

– Когда будете заказывать билеты, позвоните нам, мы переведем их по безналичному расчету прямо в кассы. Теле-

фон есть у вашего директора.

– Я даже не знаю, как вас благодарить!

– Погодите, это не все.

– А что еще? – Ася заволновалась. Вдруг все не так просто, и деньги даются на каких-нибудь невыполнимых условиях? Такое им уже предлагали, и не раз.

– Не пугайтесь. – Свечников, точно прочитав ее мысли, усмехнулся в трубку. – Я не собираюсь омрачать вам радость. Скажите лучше, как вы собираетесь поступить с костюмами? У вас уже есть идеи на этот счет?

– Пока нет. Мы надеемся, что родительский комитет... – она замялась, не договорив.

– В Амстердам нужно везти полноценный спектакль с соответствующим реквизитом, вы согласны со мной?

– Согласна, но...

– Наш фонд выделил вам средства на пошив костюмов. Как полагаете, нормальная сумма? – Он назвал цифру, от которой у Аси по спине пробежал холодок.

– Ну, что вы молчите?

– Пытаюсь прийти в себя. Это больше, чем мы могли ожидать. Гораздо больше.

– Вы забыли, как называется наш фонд. Напомнить?

– Нет, спасибо. Я помню. «Поддержка одаренным детям».

– Именно. Но и это еще не все.

– Вы меня пугаете!

– Бросьте. Вас напугать не так-то просто. Впрочем, по-

следний пункт нашей помощи касается не столько вашего ансамбля, сколько всего дворца. Мы решили снабдить главную сцену новыми прожекторами, ваш директор жаловался, что старые почти не светят.

– Это правда, – подтвердила Ася.

– Теперь все. Вы довольны?

– Не то слово. Огромное спасибо.

– Не за что. Как ваш сын?

– Хорошо.

– А как насчет того, чтобы на один вечер изменить принципам?

– Вы о чем? – не поняла она.

– О том, чтобы все-таки дать мужу повод для ревности. У меня есть два билета на замечательную выставку, посвященную русскому балету. На сегодня, на шесть часов. Пойдете?

Ася мгновение раздумывала.

– Если я скажу «нет», повлияет ли это на...

– Нисколько, – резко оборвал ее Свечников. – Вы не поняли, Анастасия Витальевна, я не из тех, кто, пользуясь служебным положением, домогается чужих жен. Деньги ваши при любом раскладе. Так что же?

– Нет, простите, я не смогу.

– Опять-таки жаль. Ладно, не смею вас задерживать. Приглядывайте материал для костюмов, ищите мастерские по пошиву и приезжайте в фонд. Мы тут же переведем деньги на счет вашего ДК.

В трубке слышались короткие гудки. Ася рассеянно опустила ее на рычаг.

– Кто это был? – с любопытством спросила вахтерша, не переставая вязать.

– Президент благотворительного фонда.

– Ух ты! – Старуха уважительно взглянула на молчащий телефон, будто Свечников обосновался внутри аппарата. – И что?

– Поедем в Голландию, тетя Катя! Есть денежки!

– Красавица ты моя! – Бабка всплеснула руками и, отложив спицы, крепко обняла Асю. – Хорошо-то как! Деткам радость и вам за труды вознаграждение.

– Пойду, скажу нашим.

– Беги.

Ася поднялась по лестнице и вошла в зал.

– Ну как? – с ходу набросились на нее Игорь и Кристина.

– Все о'кей. – Ася обвела девчонок торжествующим взглядом. – Дорога оплачена, и не только она, но и костюмы.

– Иди ты! – восхищенно выдохнула Кристина. – И сколько они дают, если не секрет?

– Секрет, – поспешно произнес Игорь. – Девочки, топайте-ка по домам, на сегодня занятие окончено. Обрадуйте своих мам, пап, бабушек, дедушек. Давайте, давайте, пошустрее!

Он собственноручно выпихнул из зала самых медлительных и, плотно прикрыв дверь, обратился к Асе:

– Ну, теперь можно. Валяй, рассказывай.

– Да, собственно, больше нечего. На костюмы дают три тысячи баксов.

– Наличными? – ахнула Кристина.

– Практически да. Через нашу бухгалтерию.

– Потрясающе, – подытожил Игорь. – Хоть в мастерские Большого театра обращайся.

– И обратимся, – серьезно проговорила Ася. – Материал присмотрим и сделаем заказ.

– Нужно поживее. – Игорь задумался, прикидывая что-то в уме. – Через три недели фестиваль округа. Вот бы туда ваш «Танец рыцарей», и чтобы к тому времени тряпки были готовы. Не успеть?

– Вряд ли. – Ася покачала головой. – Фасоны-то я продумала, но придется бегать, искать ткань...

– Что ее искать? – перебила Кристина. – На рынке всего полно, чего только не пожелаешь.

– Ты имеешь в виду Черкизовский?

– Зачем? Наш, привокзальный. Позавчера на нем была, товару завались, цены бросовые.

Ася вдруг почувствовала, как сердце стремительно ухнуло вниз и застучало где-то чуть повыше живота, гулко и часто.

– Эй, ты меня слышишь?

– Слышу. – Ася кивнула.

– Можем сходить.

– Сегодня? – Она не узнавала своего голоса, будто за нее говорил кто-то чужой, посторонний.

– Можем сегодня. Только ненадолго, я вечером занята.

– Сходите, девчонки, – обрадовался Игорь. – Вдруг повеет, найдете то, что надо. Тогда сразу в фонд, оформляем бумажки и шьем.

– Ладно, идем. – Асино сердце билось уже не только в животе, но и в горле, в висках, везде – организм точно взбесился, вышел из повиновения, стремясь разрушить сам себя.

– Ты как будто спишь. – Кристина покосилась на нее с удивлением. – Вялая такая, замедленная.

– Да она просто в себя не придет от счастья, – засмеялся Игорь, направляясь к двери. – Бай, мадмуазели, успехов вам!

Он ушел.

– Давай одевайся, – Кристина деловито взглянула на часы, – у меня на все про все ровно час.

– Хорошо, – Ася послушно приблизилась к вешалке, сняла с нее плащ, сунула руки в рукава.

– Игорек-то загорелся, – заговорщицким тоном проговорила Кристина, натягивая курточку. – Слышала я про этот фестиваль. С него потом на городской концерт будут отбирать. Вот он и надеется... Ключи у тебя?

– Да.

– Закрывай.

Они заперли зал, спустились и вышли на улицу. В лицо дул прохладный ветерок, над верхушками полуголых дере-

вьев угрожающе нависла кудлатая туча.

– Как бы не ливануло, – с тревогой сказала Кристина, – а то вся моя прическа к черту пойдет. – Она осторожно пощупала локоны кончиками пальцев.

– А ты куда сегодня? – безразличным тоном поинтересовалась Ася.

– Да пригласил тут один, в клуб.

– Пашка?

– Нет, Эдик. Паша в командировку уехал. – Кристина поглядела на Асю круглыми невинными голубыми глазами и расхохоталась.

Та невольно улыбнулась в ответ.

– Смотри, Кристя, допрыгаешься! Набьют тебе фейс кавалеры.

– Что ты, – беспечно отмахнулась Кристина. – Они у меня сплошь культурные, на женщин руку не поднимают... Давай сразу вон к тем рядам, там приезжие торгуют, с ними договориться проще.

У контейнера под жестяным навесом сидели две розовощекие девахи и смачно лузгали семечки, сплевывая шелуху под прилавок. Перед ними лежали разноцветные образцы тканей, огромные ножницы и линейка.

– Шо желаете? – нараспев спросила одна из них, ядреная крашенная блондинка. – Есть вискоза хорошая, недорого, все берут. Или, хотите, шелк, очень красивый, расцветка оригинальная.

– Девушка, сразу предупреждаю, мы ничего покупать не будем, – решительно заявила Кристина. – Только посмотрим.

– Ну, смотрите, смотрите. – Деваха потеряла к ним интерес и принялась нашептывать что-то на ухо своей товарке.

Та визгливо смеялась, то и дело откидывая за плечи шикарную смоляную косу.

– Вот, глянь. – Кристина выудила из-под груди материи белоснежную тафту. – Пойдет?

– Вполне.

– А эта?

– И эта тоже. Почему она у них?

– Девушка, – громко произнесла Кристина, – почему ткань?

Продавщица равнодушно назвала цену, оказавшуюся действительно смешной.

– И ширина подходящая, – обрадовалась Ася. – У вас ее много?

– Полно. Через день партию привозят.

– Хорошо раскупают? – обеспокоенно поинтересовалась Кристина.

– Нормально. А вам сколько надо-то? – Продавщица высунулась из-под навеса. – Я хозяину скажу, он оптом продаст, со скидкой.

– Видишь, я же говорила, – довольно похвасталась Кристина. – На Черкизовском небось раза в полтора дороже.

Нам, девушка, много нужно, – обратилась она к продавщице, – так что вы поставьте в известность своего хозяина. Пусть он нам оставит партию, мы через пару дней зайдем.

– Хорошо. – Деваха приветливо улыбнулась. – Захаживайте.

Кристина и Ася побродили по рынку еще с полчаса: цены везде были примерно одинаковые.

– Завтра едем к твоему Свечникову, пусть выписывает деньги... Ась, ты опять заснула? Куда смотришь все время?

Ася вздрогнула.

– Никуда. Тебе показалось.

– Мне пора рвать когти. Еще домой надо успеть заскочить, переодеться. Ты идешь?

– Да. – Ася крепко взяла Кристину под руку.

Про себя она считала шаги. Один шаг, другой, третий, все ближе железные ворота. Еще шаг, другой – вот они уже остались позади...

– Подожди! – Ася остановилась, высвободила руку.

– Ты что? – недовольно проговорила та.

«Сейчас или никогда, – лихорадочно отстукивало в голове, – сейчас или никогда».

– Я забыла. Степке тапочки нужно купить, старые еле дышат. Уже неделю собираюсь, и все некогда.

– Тогда без меня, ладно? – Кристина снова взглянула на часы. – Мне не успеть иначе. Не обижаешься?

– Ну что ты!

Они чмокнули друг друга на прощанье.

– Звякни мне завтра с утречка. – Кристина помахала рукой и быстро зашагала к остановке.

Ася постояла, дожидаясь, пока стройная фигурка подружки скроется за деревьями, а потом медленно зашла обратно на территорию рынка.

Она брела мимо рядов, иногда останавливаясь, бесцельно разглядывая выложенный на прилавки товар, спрашивая о цене и тут же забывая ее, пока не очутилась возле знакомых краснощеких торговков.

– Шо желаете? – заученно проговорила блондинка, не узнавая Асю.

– Девушка, я хотела спросить, где тут у вас сторожка?

– Шо? – удивленно переспросила продавщица.

– Ну у вас же на рынке есть сторож. – Она почувствовала, что краснеет. – Где его можно найти?

– Там, за складами, – махнула рукой в сторону другая девушка. – Идите, пока ряды не закончатся, там увидите.

– Спасибо, – сказала Ася. – Большое спасибо.

– На здоровье, – грубовато ответила первая девица и полезла в карман за новой порцией семечек.

Ася повернулась и пошла туда, куда указала продавщица.

«Ничего, – успокаивала она саму себя. – Все в порядке. Ведь он мог и наврать – наверняка наврал. Никакой он не сторож, а просто обыкновенный забулдыга. Вот приду, а в сторожке совсем другой человек. И я успокоюсь окончательно».

но, буду знать, что не нашла его, он меня обманул. Все в порядке...»

Прилавки и навесы остались за спиной. Узкая, заросшая тропинка огибала деревянные постройки. Возле одной из них двое мужиков орудовали бензопилой.

– Эй, куда? – заметив Асю, закричал один из них.

– Туда. – Она, не замедляя шага, кивнула на белеющую в отдалении бетонную стену.

– А, насчет радиаторов, – догадался рабочий. – Ну проходи давай.

Ася не стала его разубеждать, благополучно миновала строительную территорию и остановилась в нерешительности.

Метрах в десяти от нее находился низенький кособокий вагончик с торчащей из крыши самопальной жестяной трубой. Дверь была плотно закрыта, маленький дворик с аккуратно сложенной сбоку поленницей огораживала ржавая рабица. К самому ее краю притулилась огромная собачья кокура. Кругом царили безлюдье и тишина.

По-видимому, вагончик и был сторожкой, однако казалось, что внутри нет ни души.

Ася поколебалась и сделала шаг к бытовке. В это время из будки выскочила огромная пегая дворняга и залилась хриплым, неистовым лаем.

– А ну-ка фу, – попробовала урезонить ее Ася, однако пес не умолкал. Длинная цепь позволяла ему двигаться почти

по всему дворику, он остервенело кидался на сетку, так, что казалось, вот-вот повалит ее и выскочит наружу.

– Ну тихо, тихо, – уговаривала она собаку, не рискуя приближаться далее. – Чего ты злишься? Успокойся...

– Фу, Пестрый, кому говорят! – вдруг раздался громкий голос. Дверь вагончика широко распахнулась, и на крыльцо вышел белобрысый.

– Заткнись, слышь, заколебал уже своим гавканьем! – рявкнул он.

Пес заскулил и утих.

Белобрысый выкинул с крыльца окурок и метнул цепкий взгляд за ограду. На лице его отразилось недоумение, затем оно вытянулось, а брови знакомо нависли над переносицей.

– Фу-ты ну-ты ножки гнуты, – пробормотал он вполголоса, не спеша вытер ладони о штаны и спустился с крыльца.

Дворняга подобострастно и выжидающе глядела на него, готовая вновь оглушительно залаять. Белобрысый прошел мимо нее и приблизился вплотную к рабице.

– Чем обязан, мадам? – Он был трезв, во всяком случае, гораздо трезвей, чем в прошлый раз – его движения выглядели скоординированными и четкими, голос звучал тверже и жестче. – Опять молчим? – Он недобро усмехнулся и уцепился пальцами за сетку. – Коли пришла, так нужно разговаривать, общаться, ухватываешь? А ну иди сюда. Подойди, говорю!

Ася послушно подошла к ограде и остановилась в шаге от

нее.

Пес за спиной у белобрысого тревожно гавкнул.

– Цыц! – коротко приказал тот.

Теперь Ася видела его хорошо: те же изгвазданные джинсы, только вместо защитной куртки растянутый серый свитер, над правой бровью и на скуле две багровые ссадины.

– Ты зачем сюда пожаловала? – Белобрысый слегка качнул сетку на себя. – Пожалела? Пожалела, ясный перец, поверила тому, что я тебе впаривал. Да ты... дура ты полосатая, я ж в стельку был, не видела?! Добренькая нашлась, ядрена корень... цыц, Пестрый, хвост оторву!

Асе показалось, что сейчас он снова, как в прошлый раз, сорвется на крик, но нет – его голос остался спокойным.

Пару мгновений они молчали, глядя друг на друга в упор.

– Слушай, – белобрысый вдруг зло сощурился, – а может, у тебя с мужем не того... он как, долг-то свой супружеский исправно выполняет? – Он захохотал.

Она почувствовала острую, невыносимую боль и едва удержалась, чтобы не застонать. Никогда в жизни ей не было так больно – словно внутри поворачивали огромный ржавый гвоздь.

Ася резко отвернулась. Она почти бежала, не разбирая дороги, не видя ничего вокруг из-за застилающей глаза плотной пелены слез. Позади раздались быстрые шаги.

– Стой. Погоди.

У нее закружилась голова. Она еще немного прошла впе-

ред и остановилась.

– Ну, прости, – он обошел ее сбоку, заглянул в лицо, – слышь, прости меня! Я... сам не знаю, что говорю. Это от страха, наверное. Сейчас, думаю, протру глаза, погляжу за ограду, а там нет никого. Со мной такое бывает... иногда... Ну, хочешь, на колени встану?

Ася улыбнулась сквозь слезы и качнула головой. Белобрысый осторожно провел пальцем по ее щекам, собирая влагу.

– Простила? Тогда не плачь больше. Тебя как звать-то?

– Анастасия. – Ася тихонько шмыгнула носом.

– Настя, значит, – задумчиво проговорил он.

– Ася, – поправила она.

– Нет, Настя, Настена. Так по-нашему, по-русски, и не спорь со мной.

– Не буду.

Позади пес загремел цепью, жалобно и тоскливо поскуливая. Белобрысый улыбнулся.

– Ну-ка крикни ему: «Фу, Пестрый!». Не бойся, громко крикни, он послушает.

– Фу, Пестрый! Фу! – звонко прокричала Ася. Наступила тишина.

В следующее мгновение белобрысый подхватил ее на руки и понес.

Прижимаясь щекой к грубой шерсти его свитера, Ася точно во сне видела голые колючие кусты боярышника вдоль тропинки, ветхую калитку в ограде, горкой сложенные отсы-

ревшие поленья во дворе, настороженную морду пса.

Протяжно заскрипела дверь вагончика...

...Как мало, оказывается, мы знаем о самих себе. Заблуждаемся, думая, что все у нас прекрасно, как у людей. И вдруг – молния, шок, неумолимая догадка, озарение...

На самом деле ее счастье обитало здесь, в этой убогой, низенькой тесной комнатенке с самопальной железной печкой в углу, единственным, занавешенным газетой окном, с лампочкой без абажура на потолке. И звуки здесь были особенные, сливающиеся в единую, странно завораживающую симфонию: гулко капающая вода из прохудившегося умывальника, жалобный стон диванных пружин, пьяный голос в отдалении за окном, равномерно и беззлобно выкрикивающий бранные слова...

...Мобильник, глухо завибрировав, разразился веселым мотивом.

– Классная мелодия. – Он протянул руку, взял со стола Асину сумочку. – На, держи.

– Это «Шутка» Баха. – Она улыбнулась и нажала на кнопку.

– Мам, ты скоро? – прямо в самое ухо оглушительно и недовольно проговорил Степка.

– Не совсем, милый.

– А ты где, на работе?

– Да. – Хорошо, что в вагончике царит полумрак, и не видно, как кровь приливает к щекам от стыда.

– Тетя Крестя придет к нам в гости?

– Нет, Степушка, тетя Крестя сегодня занята. Ты не скучай, я уже выезжаю.

– Пока. – Телефон отключился. Ася сунула его в сумку.

– Сын звонил.

– Тебе пора, наверное.

– Пора. – Она резко выпрямилась и соскользнула с дивана.

Быстро оделась, закрутила волосы в тугий жгут, шелкнула заколкой.

– Алеша!

– Что? – Он лежал, не шевелясь, заложив руки за голову, и внимательно наблюдал за ней. Она приблизилась к дивану, опустилась на корточки.

– Ты... скажи честно, что ты обо мне думаешь?

– Что ты больше сюда не придешь. Никогда. – Его голос звучал серьезно и спокойно.

– Глупый, – Ася ласково погладила его по прямым, светлым, как солома, волосам, – обязательно приду. Я буду часто приходить, так часто, как только смогу. И... я ведь другое имела в виду, ты же понимаешь...

– А если другое, Малыш, то я думаю, что тебя мне сам бог послал... или черт, кто его разберет? – Он поймал ее руку, тихонько сжал.

Ася почувствовала шершавое прикосновение его загрубевшей, натруженной ладони.

В окно рванулся ветер, газета зашуршала, несколько раз

отрывисто гавкнул пес во дворе.

– Ты иди, – Алексей прислушался к звукам, доносящимся с улицы, – дождь будет. Вымокнешь.

– Не вымокну. – решительно проговорила Ася. – Побуду еще чуть-чуть. Хоть полчаса. Ничего страшного не случится.

– Иди, – тверже повторил он.

– Ты меня гонишь? – Она обиженно распахнула глаза.

– Я? – Алексей сел на диване, глядя на нее с тоской и безнадёжностью. – Ты что, Малыш? Будь моя воля, я бы запер эту дверь и никуда бы тебя не выпустил.

«Так запр!» – хотела сказать она, но промолчала, сглатывая подступивший к горлу комок.

– Нельзя, – совсем тихо произнес он, будто услышав ее немую просьбу. – Ты потом себе не простишь. И меня возненавидишь.

Ася кивнула, не отрывая взгляда от его лица.

– Ну вот, опять сопли. – Его пальцы пошарили под подушкой и извлекли на свет довольно чистый носовой платок. – Давай вытри глазки. И носик. – Алексей улыбнулся ей, точно ребенку. – Завтра придешь?

– Да, в это же время.

– Ну и ладно. – Он осторожно обнял Асю за плечи и подвел к двери. – Зонттик, надеюсь, у тебя есть?

– Есть, – она похлопала по сумке.

– Молодец. Погоди, я Пестрого подержу на всякий пожарный, а то он у меня парень суровый.

Алексей вышел во двор, поднял с земли тяжелую металлическую цепь и отвел пса в сторону. Потом помахал Асе рукой.

– Бывай, до встречи.

Дождь застиг Асю, когда она подходила к автобусной остановке. Он ливанул сразу, без подготовки, не по-осеннему обильно и яростно. Казалось, вот-вот, точно в мае, засверкает молния и грянет гром.

Тротуар тут же покрылся глубокими лужами. Утопая в них, к козырьку остановки со всех сторон бежал народ, тщетно стараясь защититься зонтиками от холодных водяных струй. Ася, хоть и была в пяти шагах от спасительного укрытия, успела промокнуть до нитки.

Подкатил автобус. Она с трудом втиснулась в салон, пробралась вглубь, к самому окну, и ухватилась за металлический поручень.

Сзади напирали еще не вошедшие пассажиры. Кто-то больно толкнул Асю в спину, так, что она, покачнувшись, едва удержалась на ногах. При этом ее сумка заехала в бок стоявшей рядом толстой тетке в кожаном пальто с капюшоном.

– Пьяная, что ли? – тотчас же громко возмутилась та. – Держаться надо, не в такси, чай!

– Простите, – проговорила Ася, поправляя сумку.

– Видать, слепая! – не унималась толстуха. – Люди ж вокруг, купи себе «Мерседес» и езд!

– Да хватит вам, – неожиданно произнес суховатый благообразный старичок, сидевший перед ними на месте, предо-

ставленном инвалидам и пассажирам с детьми, – что вы, ей-богу, как на базаре! Девушка нечаянно оступилась, посмотрите, сколько народу вошло на остановке.

Тетка с неохотой отвернулась, продолжая бормотать что-то неразборчивое себе под нос.

Ася улыбнулась старичку:

– Спасибо за поддержку.

– Пожалуйста. Вы, между прочим, совсем мокрая. Долго гуляли под дождем?

– Нет, всего пару минут. Но хватило.

– Да, поливает будь здоров, – старичок кивнул на стекло, сплошь залитое водяными потоками. – Домой придете, сразу полезайте в горячую ванну. Испытанное средство: я всю жизнь геодезистом проработал, вечно на природе, под открытым небом. Намокнешь, намерзнешься, как цуцик, и простуда тут как тут. Только банькой и спасался. Вам ехать-то далеко?

– Порядочно.

– С работы возвращаетесь?

Ася кивнула.

Старичок замолчал, сосредоточенно выглядывая что-то в сплошной пелене дождя. Потом снова обернулся к ней.

– А работу, по всему видать, любите. Я угадал?

– Угадали.

– То-то. – Старичок довольно усмехнулся. – Личико у вас такое сияющее, даже смотреть приятно. Я вот скоро выйду,

через две остановки, так вы садитесь на мое место. Садитесь, не стесняйтесь, а те, которые злыдни, пускай постоят, – он покосился в сторону толстухи.

– Спасибо, – в ответ засмеялась Ася.

Бесхитростный комплимент старика отчего-то доставил ей огромное удовольствие.

Значит, это видно! Видно, какое у нее счастливое, сияющее лицо. Еще бы ему не сиять, если внутри словно тысяча воздушных пузырьков взлетает – так легко и хорошо, что хочется оторваться от земли и парить, раскинув руки, точь-в-точь как влюбленная Бабочка в танце.

Как странно, что она совсем не чувствует раскаянья, угрызений совести, страха! Исчезли тяжесть и сомнения последних недель, будто, решившись отыскать сторожку, Ася выполнила предназначение свыше...

Старичок поднялся и стал пробираться к выходу. На его место тут же грузно плюхнулась толстуха.

«Пусть сидит, – без злости подумала Ася. – Пусть всем вокруг будет хорошо. И этой тетке-скандалистке, и худенькой девушке в голубой курточке, то и дело тревожно поглядывающей на часы, и симпатичному веснушчатому парню в наушниках, слегка покачивающемуся в такт музыке, доносящейся из плеера, – всем».

Она прикрыла глаза, стараясь вспомнить лицо Алексея, его манеру смешно, уголком, сводить брови, голос, тихонько зовущий ее по имени.

Никто никогда не называл ее Настей. Только однажды, давным-давно, когда Ася была совсем маленькой и занималась в балетном кружке при Доме творчества.

Их преподавательницу звали Мария Владимировна. Это была немолодая суровая женщина, одинокая и бездетная. Она больно тыкала Асю кулаком в спину, заставляя держать осанку, и требовала изо всех сил тянуть носок.

Ася ее очень боялась. Едва та подходила, вся сжималась, мышцы у нее деревенели, и она не могла выполнить даже самый легкий элемент.

– Настя! – строго окликала учительница. – Опять спишь! Работай, не расслабляйся.

Ася старалась, но у нее ничего не получалось.

– Ваша Настя способная, но рассеянная, – докладывала Мария Владимировна матери.

– Она у нас вообще-то Ася, – вежливо поправляла та, но балетмейстерша почему-то пропускала эту фразу мимо ушей.

А потом был городской конкурс детских самодеятельных коллективов, и Мария Владимировна почему-то поставила Асю в самую первую пару.

Во время выступления Ася несколько раз поймала на себе пристальный взгляд одного из членов жюри, мрачноватого, губастого дядьки в смешных, старомодных очках на мясистом носу, и очень испугалась. Она была уверена, что танцует из рук вон плохо, и Мария Владимировна никогда больше

не пустит ее на сцену, если вообще не выгонит из кружка.

Ее опасения подтвердились. В перерыве преподавательница попросила Асю следовать за ней. Тон ее не предвещал ничего хорошего. Они молча поднялись по лестнице на второй этаж, и там Ася неожиданно увидела губастого. Он стоял посреди широкого фойе и улыбался. Вблизи в нем не было ничего особо страшного, разве только большой, загибающийся книзу нос.

– Вот, – Мария Владимировна подтолкнула Асю поближе, – привела.

Губастый кивнул и присел перед ней на корточки.

– Привет, – весело произнес он и еще больше оттопырил выпяченные губы.

– Привет, – шепотом сказала Ася.

– Ты здорово танцуешь. Знаешь, кто я?

Она помотала головой.

– Я преподаю в балетном училище. У меня много учеников, некоторые из них уже взрослые и танцуют в настоящих театрах, а некоторые учат детей, как я. Твоя учительница сказала, что ты очень способная, и, знаешь, так оно и есть, я сегодня убедился.

Ася слушала губастого, но понимала его с трудом – ей не так давно исполнилось шесть. Одно было ясно: Мария Владимировна, оказывается, вовсе не сердится на нее, а наоборот, даже похвалила.

Губастый легонько щелкнул Асю по носу и встал.

– Пойдешь ко мне заниматься?

Ася вопросительно взглянула на учительницу. Та кивнула. Лицо ее при этом, как всегда, осталось строгим и сумрачным.

– Соглашайся, Настя, это твой шанс. Я поговорю с ее родителями, – обратилась она к губастому. – Надеюсь, они не будут против.

На том и расстались. Он спустился в зал и сел в жюри, а Ася с бабушкой ушли домой.

Вечером позвонила Мария Владимировна и целый час разговаривала с матерью.

Губастый дядька оказался одним из маститых хореографов, он набирал подготовительную группу из шестилеток и настоятельно рекомендовал записать к нему Асю «как подающую определенные надежды». А обратить внимание на девочку его попросила лично Мария Владимировна перед выступлением.

Мать, поколебавшись, решила рискнуть. Началась другая жизнь: многочасовые тренировки у станка, строгая диета, выступления на лучших концертных площадках, поездки на гастроли.

Прежнюю преподавательницу Ася видела редко: все ее время теперь было распределено по минутам, даже школьные уроки приходилось делать в транспорте. Первые годы Мария Владимировна приходила на училищные концерты, поздравляла Асю, говорила, как она выросла, какой у нее

стал высокий прыжок. Потом приходит перестала.

Кто-то из бывших однокашников рассказал, что она якобы уехала за границу, где у нее жила сестра. Больше никто о Марии Владимировне не слышал...

...Сейчас, спустя многие годы, Ася неожиданно вспомнила свою первую преподавательницу с теплотой и благодарностью. Она мало чему успела научить ее, но заметила главное – несомненные данные ученицы. И развивала, выражая через требовательность и строгость свою любовь и привязанность, которые иначе, будучи от природы человеком сухим и замкнутым, проявить не могла...

Задумавшись, Ася едва не проехала свою остановку. С трудом добравшись до дверей, она выскочила на улицу.

Дождь так и лил, хотя между тучами наметился просвет, и в него проглядывал краешек чистого неба. Ася раскрыла зонтик и поспешила к дому. Она решила вести себя так, будто ничего не случилось.

В самом деле, она не одна такая: три из ее семейных подруг имеют любовников и прекрасно существуют, не терзаясь муками совести. Правда, у каждой из них свои мотивы: одноклассница Галка часто остается одна, проводив в очередной рейс мужа-дальнобойщика. Вот и встречается втихаря с соседом по лестничной площадке – у того жена актриса, на гастроли ездит.

Другая приятельница, Марина, изменяет мужу в отместку за его бесконечные загулы, так сказать, вышибает клин кли-

ном. Трудно сказать, эффективно ли данное средство, однако Маринка потихоньку втянулась в такую жизнь, свыклась с нею и иначе существовать не может.

Есть еще Оксана, Ксюша, с которой Ася познакомилась в роддоме и с тех пор поддерживает дружеские отношения. Та встречается с мужчинами просто потому, что хочет чувствовать себя по-прежнему привлекательной и желанной для противоположного пола.

Ну а про Кристину, меняющую мужиков, как перчатки, и говорить не приходится...

Ася вышла из лифта и остановилась перед дверью квартиры.

Интересно, какой же мотив у нее самой? Или его нет вообще, просто ее угораздило банально влюбиться? Безоглядно, слепо и практически с первого взгляда. Разве такое бывает?

«Бывает», – тихонько сказала она себе и нажала на кнопку звонка.

Ей открыла Нинюся.

– Вот те на! Это что ж такое!

Ася не сразу поняла, что старуха имеет в виду ее вдрызг промокшие чулки и туфли.

– Дождь, Нинюся, – объяснила она, улыбаясь и стягивая обувь. – Очень сильный. Зонтик в таких случаях не спасает.

– А почему так поздно? – недовольно проворчала нянька. – Ты обычно в шесть уже дома.

– Задержались. Решали насчет костюмов. – Ася раскры-

ла зонтик, пристроила его в углу и заглянула в гостиную. – Сергей пришел?

– Нет его, – все так же сурово ответила Нинюся. – Звонил, что выезжает, минут десять назад.

– Значит, сейчас будет. Давай накрывай на стол.

Нинюся кинула на Асю быстрый пристальный взгляд и удалилась, шаркая ногами по натертому до блеска паркету. Та вздохнула с облегчением.

Старуху она знает как облупленную: если кто-нибудь задерживается без предупреждения хотя бы на полчаса, Нинюся начинает паниковать, а потом дуется целый вечер.

И все же внутри у Аси возник неприятный холодок.

Отчего она так посмотрела на нее? Неужели что-то заподозрила? Уловила произошедшие в ее лице перемены?

Ася быстро прошла в спальню и села перед трюмо, придирчиво глядя на свое отражение.

Да нет, все, как обычно, разве что румянец на щеках чуть ярче. Может быть... Ну да, точно, как ей только в голову не пришло! Она же насквозь пропахла табаком, и одежда, и волосы. Цепкое Нинюсино обоняние тут же уловило непривычный запах – у них в семье никто не курил.

Ася воровато высунулась в коридор и, убедившись, что он пуст, прошмыгнула в ванную. Слава богу, она еще не успела пообщаться со Степкой, тот сразу бы ощутил табачный аромат и вслух поинтересовался, чем это пахнет от мамы.

– Настасья! – пробасила под дверью Нинюся.

– Что?

– Салат попробуй. Не пойму, соли хватает или нет.

– Потом, я душ хочу принять. Замерзла.

– Ну выйди на минутку, ты ж еще даже воду не включила.

– Нет! – отрезала Ася и с силой крутанула кран.

Она опустилась на бортик ванны, обхватила голову руками.

Господи, как теперь жить? Обманщица из нее никакая, в каждом взгляде, во всякой фразе отныне она будет чувствовать подвох. А ведь еще не вернулся Сергей!

– Настасья!

Нет, всякому есть предел! Никто не смеет вторгаться в ее личную жизнь, даже Нинюся, при всем уважении к ней.

Она просто промолчит, не будет отзываться, и все! Главное, выглядеть спокойной и уверенной, тогда никто ничего не заподозрит.

Ася встала под душ, прибавила горячей воды и прислушалась. За дверью было тихо. Она как следует прогрела замерзшее тело, вымыла волосы, накинула халат и вышла.

Сергей еще не приехал. Нинюся и Степка ужинали на кухне. Ася присоединилась к ним.

Салат оказался пересоленным, и ее этот факт очень обрадовал: значит, Нинюся действительно обращалась к ней за помощью, а не собиралась лишний раз принохиваться к одежде.

– Мам, – с полным ртом проговорил Степка, крутясь на

студе, – а чем занята тетя Крестя?

– У нее... важная встреча.

– С кем?

– С... одним человеком.

– А у тебя тоже была встреча? – поинтересовался Степка, аккуратно выкладывая на стол кружочки вареной морковки из жаркого.

Ася почувствовала, как кусок мяса встал ей поперек горла.

– Что ты болтаешь! – Нинюся дернула его за рукав. – Я ж тебе сказала, мама задержалась на репетиции. И перестань свинятничать, не то все отцу расскажу!

Точно в ответ на ее слова раздался звонок.

– Папа! – Степку точно ветром сдуло из-за стола. Он вылетел в коридор, прямо в объятия вошедшему Сергею. Тот с ходу протянул ему вафельный стаканчик с мороженым.

– Это тебе, держи, если, конечно, уже поужинал. Где мама?

– Я здесь, – отозвалась Ася, выглядывая из кухни.

– Ну и погодка! Льет как из ведра. – Сергей аккуратно повесил куртку на плечики. – В машине пар, стекла потеют, еле доехал. Ты-то как, не промокла насквозь?

– Как это не промокла, когда вон, туфли стоят – хоть отжимай, – встряла Нинюся. – Степа, сейчас же положи мороженое, ты еще не доел. – Она сделала попытку забрать стаканчик, но не тут-то было: Степка ловко увернулся и понес-

ся по коридору в детскую.

Старуха поглядела ему вслед и безнадежно махнула рукой.

– Совсем распустился, озорник. Балуеть ты его, Сережа, свыше всякой меры.

– Ладно тебе, Нинюсь. – Ася обняла ее за плечи. – Он почти все съел, а вареную морковку все равно не будет, что хочешь с ним делай.

– Я, между прочим, в детстве тоже терпеть не мог эту морковку, – засмеялся Сергей, – а сейчас – с превеликим удовольствием! И не только ее, а все, что дадите – есть хочется зверски!

После ужина у Аси неожиданно разболелась голова. Она приняла таблетку, однако та не помогла.

– Слушай, – Сергей озабоченно дотронулся до ее лба, – да у тебя жар. Правда, ты горячая, как кипяток.

– Не может быть, – вяло возразила Ася, чувствуя, как ноги и руки становятся ватными и неприятно закладывает уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.